

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЯЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

3 (235) •
март 2018

НЕ СТИХИЙНЫЙ ОТВЕТ
НА ОБСТОЯТЕЛЬСТВА,
А ВЫБОР МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ
И СМЕРТЬЮ

стр. 3

НАША И НЕ НАША
ИСТОРИЯ

стр.20

ВРЕМЯ ЛИ НОВОЙ
СОБОРНОСТИ?

стр. 28

ТЕМА

ВЕРА

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

Свято-Филаретовский
ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ
ИНСТИТУТ

28–30 МАЯ

XII Научно-богословская конференция СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЭККЛЕЗИОЛОГИЯ: ПРИРОДА ЦЕРКВИ И ЕЕ ГРАНИЦЫ

Свято-Филаретовский институт продолжает серию конференций, посвященных православной экклезиологии. На конференции 2017 года обсуждались особенности церковной рецепции евхаристической экклезиологии протопр. Николая Афанасьева, а также современное восприятие Евхаристии как центра жизни церковного собрания. Состоявшийся разговор выявил целый ряд проблем, связанных с современным пониманием Церкви и ее границ, рассмотреть которые предполагается на конференции 2018 года.

Актуальность темы обусловлена тем, что вне пределов храмового богослужения или прихода трудно увидеть и засвидетельствовать наличие церковной жизни, основанной на собственно новозаветных началах. Да и внутри приходской ограды жизнь нередко определяется не столько законом любви, сколько соображениями административными и экономическими, а то и прямо диктуется запросами секулярного общества.

Никео-Цареградское исповедание говорит о Церкви как о предмете веры христиан, а значит как о живом организме, теле Христовом, существующем не только в прошлом или будущем, но и в настоящий момент истории, о чем каждый верный может свидетельствовать любому «внешнему»: «Приди и посмотри». Таким образом, верующий во Христа должен знать «свое собрание», опознающееся, по слову Спасителя, по взаимной любви Его учеников (Ин 13:35).

Учение о Церкви стало основной областью богословских исследований XIX–XX вв., причем не только в восточных, но и в западных церквях. За это время по-новому были поставлены вопросы кафолической природы Церкви, ее соотношения с тварным и нетварным миром, актуального содержания понятия «спасение», соединения «закона веры» и «закона молитвы» в церковном сознании древних и современных христиан, миссии церкви в секулярном мире и т.п. Но целый ряд экклезиологических проблем еще нуждается в постановке и обсуждении на современном уровне церковной мысли и практики.

Среди них можно назвать, например, следующие:

- открытость Церкви и необходимость выявления ее границ;
- единая природа Церкви и сосуществование в ней различных экклезиологий;
- исповедание единства, святости, апостоличности и соборности Церкви и эмпирическое выражение этих свойств в современности;
- таинство Церкви и проблема сакраментализма;
- общение в Церкви и его каноническое, мистериальное и мистическое измерения;
- конфессиональные подходы к пониманию единой природы Церкви и перспективы межконфессионального диалога и др.

Разумеется, современный разговор о тайне и таинстве Церкви не может обойти стороной и проблему богословского языка. Очевидно, что уже далеко не весь опыт церковной жизни можно выразить в онтологических понятиях, в то время как разговор о Боге и Церкви в понятиях экзистенциальных также не является приемлемым для всех в христианском мире.

Организаторы конференции надеются, что заинтересованный, вдумчивый и свободный диалог ее участников по названным и близким к ним вопросам принесет свои добрые плоды.

Заявку для участия в конференции в качестве докладчика с темой и тезисами доклада просим присылать в Оргкомитет конференции до 1 апреля 2018 г.

Заявку для участия в качестве слушателя можно прислать до 20 апреля 2018 г.

В заявке необходимо указать фамилию, имя и отчество участника, город, место работы или служения, должность, эл. адрес и телефон.

Питание, проживание, проезд из Москвы к месту проведения конференции (Истринский район Московской области, дом Культурно-просветительского центра «Преображение») и обратно – за счет принимающей стороны. Оргвзнос – 2500 руб. Планируется публикация сборника материалов конференции, размещаемого в РИНЦ.

Координаты оргкомитета: conference@sfi.ru / тел.: +7 495 623 03 80; +7 968 937 34 64; +7 962 986 91 08

Председатель оргкомитета: Д. С. Гасак, первый проректор СФИ

Содержание

МАРТ 2018

~ Новость номера

XXIV Сретенские чтения | 2

~ Катехизация

«Бедненький, что ж ты с собой творишь?» | 12

~ Конференции

Проблема архивных документов, и не только | 5

Кто не умер для любви, идите! | 16

~ Преображенские встречи

Проповедь и задушевные беседы | 24

Время ли новой соборности? | 28

~ Событие

Не стихийный ответ на обстоятельства, а выбор между жизнью и смертью | 3

Чьё благословение выше | 10

Защитники Отечества | 14

~ Живое предание

Бердяев и молодёжь | 9

Братский помянник | 15

~ Книжное обозрение

«Подвиг этот трудный, но прекрасный» | 32

Издание Преображенского содружества малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.
Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 7 марта 2018 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 16 марта 2018 г.

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601
Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине **predanie.org**;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne-Sainte-Genieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

Вера – это дар. Невозможно поверить усилием воли. Почему же так часто в Евангелии Господь обращается к людям с упреком, обличая даже не неверие,

а *маловерие*? Да и мы не говорим ли друг другу с обидой: «Неужели ты мне не веришь?»?

В этом номере нет простых ответов на этот вопрос. Но есть множество

свидетельств о том, как начинает воплощаться на земле дело веры, когда люди совершают усилие доверия – предшествующей вере открытости по отношению к Богу и друг к другу.

Александра Колымагина

Н О В О С Т Ь Н О М Е Р А

XXIV Сретенские чтения

Текст: Александра Колымагина. Фото: Александр Волков

24 февраля традиционная студенческая конференция СФИ началась с приветствия и благословения председателя Синодального миссионерского отдела митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна (их передал участникам и устроителям конференции первый заместитель владыки игумен Серапион (Митько)).

При удивительном многообразии – и хронологическом (от раннехристианской практики до образа церкви в современном медиапространстве), и географическом (при понятном преувеличении отечественной тематики докладчики размышляли и о том, что происходило и происходит в странах Европы, Африки, Азии и Америки), было несколько тем, лейтмотивом возникавших в разных докладах.

Одна из них – Поместный собор 1917–1918 гг.: его подготовка, образ Собора в глазах его современников и в сегодняшнем восприятии, его наследие; вторая – освещение религиозной тематики в интернете; третья – эпоха советских гонений и опыт сопротивления.

Последней из этих тем были посвящены три очень разных – и потому взаимодополняющих доклада исторической секции. В одном из них – докладе А.С. Калининой, основанном на архивных документах восточной Белоруссии – прозвучал поразитель-

ный факт: с июня 1939 года и вплоть до присоединения западных территорий* в БССР не оставалось *ни одного* открытого православного храма – ни патриархийного, ни обновленческого, ни автокефалистского (в 1937–1938 гг. открытых храмов было два). Священники тайно совершали таинства на квартирах, а верующие собирались и тайно служили мирянским чином...

Конференция, как и в предыдущие годы, собрала студентов и преподавателей множества христианских и светских вузов. Кроме «принимающей стороны» – студентов, выпускников и преподавателей Свято-Филаретовского института – с докладами на ней выступили представители Общецерковной аспирантуры и докторантуры, МГУ, РХГА, Института теологии им. свв. Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, РГГУ, РАНХиГС, Государственного института искусствознания, ВШЭ, Института св. Фомы и других учебных заведений.

Это множество гостей удивительным образом сочеталось с мирным, задумчивым тоном и духом дискуссии и в лучшем смысле слова семейной атмосферой – с молодёжью и подростками, заботящимися об общей трапезе, с несколькими детьми поменьше, пришедшими вместе со своими родителями-студентами, и общим ощущением сложившейся среды, где многие знают друг друга не только по учёбе.

Пленарное заседание Чтений открылось докладом председателя Общества любителей церковной истории священника Ильи Соловьёва «Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 годов. Взгляд через столетие»

Мы попросили докладчиков поделиться своими впечатлениями

А.С. Калинина (Институт теологии им. свв. Мефодия и Кирилла): На Сретенских чтениях я в первый раз. Но с представителями, студентами, выпускниками СФИ знакома и всегда отмечала высокий уровень их докладов на других конференциях. Сретенские чтения подтвердили это впечатление. Очень приятно, что у нас в православной церкви есть такие исследования, выполненные в лучших академических традициях.

М.В. Деметьев (СФИ, ОЦАД): И студенты СФИ, и наши гости-докладчики в обсуждении находили общий язык, и всегда торжествовала конструктивная линия. Это самое дорогое впечатление: созидание общего пространства и взаимопонимания. **КФ**

* До второй половины сентября 1939 года в состав СССР входила лишь восточная часть современной Беларуси. Западные области были заняты РККА с 17 сентября по 1 октября и официально вошли

в состав БССР в ноябре 1939 года. Население БССР в 1938 году составляло около 5 млн человек, в республике было 32 города и около полутора тысяч сёл.

Не стихийный ответ на обстоятельства, а выбор между жизнью и смертью

В Александро-Невской лавре в первые дни февраля широко отмечалась церковная память 100-летия Александро-Невского братства

Текст: Анастасия Наконечная. Фото с сайта Санкт-Петербургской митрополии

1 февраля в Петербурге на литургии и крестном ходе в Лавре вспоминали священномученика протоиерея Петра Скипетрова — священника, который ровно сто лет назад попытался остановить красноармейцев, стремившихся захватить Лавру. Отца Петра смертельно ранили выстрелом в упор, однако его смерть неожиданно для гонителей стала призывом ко многим верующим вместе воспрепятствовать захвату святыни. После полумиллионного крестного хода, объединившего тех, кто решился защищать Лавру, родилось одно из самых значительных братств Петрограда — Александро-Невское.

6 февраля празднование продолжилось в Святодуховском духовно-просветительском центре. Епископ Кронштадтский Назарий, руководитель ныне возрождённого Александро-Невского братства, которое в этом году отмечает десятилетие со дня возобновления своей деятельности, поздравил членов братства и собравшихся гостей. После многочисленных приветствий и поздравлений на праздничном концерте прозвучали произведения Георгия Свиридова, Николая Римского-Корсакова, Петра Чайковского.

На следующий день в Лавре был показан созданный Преображенским братством фильм «Александро-Невское братство» (режиссёр Олег Глаголев) и снова прозвучал праздничный концерт для всех собравшихся.

Уже после завершения всех празднований произошло ещё одно событие, которое далеко не все в Петербурге связывают с братским юбилеем. На перекрёстке 2-й Советской улицы и Красноборского переулка был освящён камень на месте, где будет заново построен храм Рождества Христова на Песках. Именно здесь 160 лет назад происходило первое возрождение братского движения в Русской церкви. Настоятелем храма был отец Александр Гумилевский, широко поднимавший тему о братствах в прессе и сам основавший первое в столице благотворительное братство. Этот невидимый знак памяти как будто подталкивает к мысли о том, что братская жизнь всегда нужна в церкви — как во дни гонений, так и во времена мирные, потому что именно к братской любви призывал Господь, давая народу Свою новую заповедь.

Комментарий епископа Кронштадтского Назария

Вы отмечаете сейчас 100-летие Александро-Невского братства, и это происходит очень празднично. Как Вам кажется, что значит для всей церкви этот юбилей и само существование братств в истории церкви?

Когда верующие обращаются друг к другу, они говорят: «Дорогие братья и сёстры». Наверное, это самое близкое звание среди людей. Так или иначе, главная задача братства — помочь людям действительно почувствовать себя братьями и сёстрами в едином деле. А дело православных братств — это, конечно же, общая жизнь, возрастание в благочестии и следование по пути спасения. Это то, к чему

призывает Церковь, а братство — это часть Церкви. Если братства не будут частью Церкви, тогда они не выполнят своего предназначения. Прежде всего, я хотел бы пожелать, чтобы все это чувствовали, в каком бы объединении они ни были.

Владыка, Вы — счастливый человек. Я спрашивала на Рождественских Чтениях разных архиереев, что они думают о 100-летию возрождения братского движения, которое совпадает с юбилеем Александро-Невского братства, и многие говорили, что у них в епархиях нет братств.

Я бы посоветовал любому архиерею, любому священнику, мирянам: «Если хотите, чтобы у вас были братья и сестры, образуйте братство».

Конечно, сегодня у нас никто не забирает храмы и монастыри, мы их только возрождаем. Но самое страшное, что происходит, – это то, что люди, особенно дети, молодёжь сегодня отходят от Бога, отходят от веры. И мы видим, что именно братство сегодня, как когда-то 100 лет назад, снова берёт на себя духовную ответственность

Комментарий епископа Тихвинского и Лодейнопольского Мстислава

Владыка, очень радостно видеть Вас на праздновании 100-летия Александро-Невского братства. Ваши слова о том, что братства свидетельствуют о духовной жизни и мирян, и священнослужителей, важно было услышать. Как Вы считаете, что значит тема братств сегодня в нашей церкви?

Мне кажется, актуальность этой темы сегодня не теряется, несмотря на то, что наше время совсем не похоже на те дни, когда Александро-Невское братство начинало своё существование. Ведь братство – это не стихийный ответ на обстоятельства, а выбор между жизнью и смертью.

Мы понимаем, насколько страш-

ны были первые события: люди приходили в Лавру, молились у мощей Александра Невского, и вдруг колокольный набат, гибель отца Петра Скипетрова от рук красногвардейцев. То, что люди после этого, не боясь смерти, шли защищать Лавру, хотя на колокольне были установлены пулемёты, и красногвардейцы готовились к атаке, – это свидетельство внутреннего духовного подъёма. И Господь благодаря этому и молитвам священика о. Петра остановил беззакония: ещё долгие годы Лавра оставалась у Русской церкви*.

Конечно, сегодня у нас никто не забирает храмы и монастыри, мы их только возрождаем. Но самое страшное, что происходит, – это то, что люди, особенно дети, молодёжь сегодня отходят от Бога, отходят от веры. И мы видим, что именно братство сегодня, как когда-то 100 лет назад, снова берёт на себя духовную ответственность за молодёжь, которая находится мысленно в интернете, в телефоне, гаджетах. Ребенок часто не осознаёт, что происходит, не понимает, что он пребывает в выдуманной реальности. Мы знаем, сколько ошибок, самоубийств и ужасов происходит в результате, люди часто попадают даже в

места заключения. Компьютерная зависимость сознания ребенка – это как наркозависимость. В сети очень много таких вещей, которые разрушают сердце, ум и сознание молодых людей. Поэтому братство сегодня и продолжает самые главные вещи: в вере любить Бога и ближних, стремиться к спасению их душ.

У «Кифы» самые разные читатели, в том числе члены разных братств. Может быть, Вы им хотели бы что-то пожелать?

Сохранять правду, чувствовать важность веры, важность молитвы. И самое главное, конечно, чтобы для нас было доступно, понятно и близко наше традиционное богослужение. Если мы учим английский, французский, разные европейские языки, то неужели свой славянский не можем изучить? Это удивительный, богатейший язык. В нём есть такие слова, которые невозможно перевести одним словом. Поэтому молодёжи важно напоминать: есть традиция. Я хотел бы пожелать читателям «Кифы» помнить о древних корнях истории и тех традициях духовных, и даже душевных, которые сохранились в языке, музыке и летописях.

КФ

* В ночь на 18 февраля 1932 года в Ленинграде были арестованы все монашествующие, и в конце 1933 года Московская патриархия примирилась с закрытием монастыря и реорганизацией его в церковный приход. Через год Троицкий собор был отобран у верующих и передан в ведение городского Дома чудес. В январе 1936 года прекратились богослужения в Духосошестввенской церкви, которая дольше других оставалась действующей.

В 1930-х годах на территории упразднённой Лавры разместились

разнообразные мастерские, городская станция переливания крови и другие госучреждения, числом до 17-ти: аэроклуб, физкультурное общество «Спартак», овощехранилище, ЦНИИ «Прометей», а также общежития.

В 1957 году были возобновлены богослужения в Троицком соборе, ставшем приходским. Мощи святого Александра Невского, изъятые 12 мая 1922 года, были возвращены в собор 3 июня 1989 года. Возрождение монашеской жизни в стенах Лавры было начато в 1996 году.

Проблема архивных документов, и не только

О проблемах, связанных с историей и современной жизнью братств, размышляют участники конференции «Православные братства в истории России»¹

Беседовали Анастасия Наконечная, Александра Колымагина. Фото: Александр Волков

Протоиерей Константин Костромин

На заключительном круглом столе конференции, посвящённой братствам, Вы говорили о том, что хотели бы продолжения этого разговора. Какие темы в этом контексте Вы видите как первоочередной предмет для обсуждения?

Протоиерей Константин Костромин, кандидат исторических наук, кандидат богословия, проректор по научно-богословской работе СПбДА: Мне проще от-

ветить, что заинтересовало бы лично меня. Мне интересен философско-социальный ракурс обсуждения. Например, как сочетаются понятия братства и либерализма...

Или братства и фундаментализма?

Возможно. В любом случае, это не чисто церковные еkkлeзиологические вопросы. Или, скажем, братство и эмиграция: насколько братство реализует себя в инокультурной, иной-язычной, иноконфессиональной среде? Насколько братство уместно в период реформ? Насколько братская жизнь и братский опыт востребован в условиях, скажем, асоциальной среды?

И ещё мне кажется, что в перспективе надо обозначить какую-то точку, к которой стоит стремиться, – а именно, написание более или менее внятной совокупной истории братского движения в России XIX–XX веков, основанной на максимальном компендиуме знаний о братствах. Хотелось бы, чтобы там были максимально перечислены братства, чтобы была видна палитра их разнообразия. Возможно, это могло бы быть и учебное пособие, но важно, чтобы оно было максимально ёмким.

Существует мнение, что недостаток данных о жизни братств после 1917 года связан в том числе и с целенаправленной

зачисткой архивов. И это невосстановимо. Мы какие-то вещи уже никогда не узнаем. Для личных воспоминаний, боюсь, уже поздно...

Может быть, отчасти это и так. Но я не думаю, что историю братств можно полностью зачистить. Следы остаются всегда, хотя значение до-революционных братств действительно резко снизилось после 1917 года. Какие из них исчезли сами, а о каких информация была зачищена – это вопрос, конечно, важный.

Мне кажется, куда ни посмотри, везде огромное поле для работы. На конференции мы только притрунулись к теме, и стало ясно, что это очень значительно и интересно. Но только в том случае, если эту работу продолжать, станет окончательно понятно, насколько она объёмна.

А Вам лично какое из братств ближе всего?

«Территориально» мне ближе всего православное эстонское братство во имя священномученика Исидора Юрьевского². А духовно, по своему существу, мне, наверное, близки братства и братские круги, которые возникали в самый поздний советский период. Это круг, возникший при о. Александре Мене, и, наверное, не вообще Преображенское братство как таковое, а скорее его истоки.

¹ О конференции, организованной собором Феодоровской иконы Божией Матери (Санкт-Петербург), Свято-Филаретовским православно-христианским институтом и Преображенским содружеством малых православных братств, подробнее см. в

«Кифе» № 2.

² Протоиерей Константин Костромин – клирик храма священномученика Исидора Юрьевского.

Насколько исследована деятельность общин сестёр милосердия?

Е.Н. Козловцева, кандидат исторических наук, заместитель декана по научной работе Исторического факультета ПСТГУ: Трудно сказать. С одной стороны, про них немного известно. Изучать их стали совсем недавно. С другой стороны, вот уже восемь лет мы каждый год проводим конференции Исторического факультета ПСТГУ «Благотворительность и социальная политика государства в России XIX – начала XX века», и к нам каждый раз приезжает всё больше и больше людей, которые представляют разные регионы России. И они начинают постепенно изучать свои общины.

Сначала приезжали люди, которые делали доклад о благотворительных учреждениях своего региона, и когда мы спрашивали: «Что вы знаете про общину сестёр милосердия, которая существовала в вашем городе?», они говорили, что даже не знают, что она существовала. И это было очень печально. Теперь же приезжают исследователи, которые работают с архивными материалами, привозят интересные исследования об общинах. И сейчас у нас на факультете подготовлен к изданию целый энциклопедический справочник по общинам сестёр милосердия.

Мы готовим этот справочник вот уже пятнадцать лет под руководством нашего декана, священника Андрея Постернака. Обработали материалы Москвы, в какой-то степени материалы Санкт-Петербурга, проработали Исторический архив. Вот только региональные архивы не доступны нам чисто физически, потому что мы не можем поехать в каждый город и их посмотреть. И здесь вся надежда на местных исследователей. Чтобы их как-то вдохновить, мы и собираем конференции. Надеюсь, что издание справочника поможет ещё больше подтолкнуть процесс изучения и в

Иллюстрация к книге Е.Н. Козловцевой «Московские общины сестёр милосердия в XIX – начале XX века»

конце концов, через не очень продолжительное время, возникнет какая-то более или менее полная картина деятельности этих общин.

Как Вам кажется, существует ли хронологическая граница, после которой уже трудно говорить о существовании таких общин в советское время? Такая же, как 1932 год для братств в Петербурге?

К сожалению, не сохранилось почти никаких документов, которые определяли бы такую границу. Общины закрывали постепенно. В зависимости от того, насколько их имущество представляло собой «лакомый кусочек» для местной власти, это происходило или быстрее, или медленнее. Во втором случае таким общинам давали возможность ещё какое-то время поработать. До 1925 года их следы ещё можно найти. Где-то они называются «бывшая община сестёр милосердия», где-то – «школа сестёр», где-то они преобразовываются в «трудовую артель», но дух

церковный всё равно сохраняют.

Самый последний документ, который мне удалось найти по Москве, датирован 1925 годом. Про несколько московских общин вообще не сохранилось документов после 1917 года. Потому что были пожары, потому что, когда отнимали имущество, это фактически был грабёж, и документы уничтожались. И вообще делопроизводство советской власти было, мягко говоря, плохо организовано, и из этих документов сохранились какие-то крупинки. Но остаётся надежда, что мы ещё найдем новые документы и что-то прояснится. На данный момент можно сказать, что до середины двадцатых годов они существовали, а что было дальше – пока неизвестно.

Что можно, опираясь на этот исторический опыт, сказать современникам, которые ищут общения и общины?

Очень хороший вопрос. Мы о нём задумывались с самого начала нашей исследовательской работы. Что мож-

но использовать сейчас из этого традиционного опыта, такого богатого и важного? Первый вывод, который напрашивается: можно использовать лишь очень немного, потому что сильно изменилась обстановка. То, что было важно, возможно и нужно до революции, сейчас уже не имеет смысла. Сейчас другие реалии.

Например, сейчас положение женщин совсем другое. То, что было важно и нужно для женщин XIX века, для современной женщины уже совершенно не актуально. Нахождение себя в такой профессии, как сестра милосердия, – это дело избранных, тех, кого действительно к этому влечёт. До революции

же это часто был один из немногих способов почувствовать себя нужной в обществе и принести какую-то пользу. Некоторые другие мотивы (например, крестьянки шли в сёстры милосердия для того, чтобы просто прокормиться) тоже не актуальны, так как сейчас для женщины существует множество возможностей заработать на жизнь.

Если говорить о современных реалиях, то ближе всего в многообразной мотивации сестёр милосердия девятнадцатого века нам будет то, что роднит их с современными волонтерами, добровольцами. Здесь главным является именно порыв помочь ближнему. Но современные до-

бровольческие организации не могут жить на тех принципах, которые были до революции. Сёстры милосердия посвящали всю свою жизнь этой деятельности, а современные добровольцы всё-таки где-то ещё работают, у них свои семьи, своя жизнь, и мало кто из них полностью всю свою жизнь этому делу отдаёт. Поэтому полную аналогию дореволюционной общины сестёр милосердия в современном обществе, думаю, создать очень сложно и вряд ли нужно. Это же касается и таких общин раннего послереволюционного времени.

Но, наверное, какие-то отдельные моменты в их опыте можно

Алексей Львович, почему в Петербурге историей православных братств занимаются больше, чем в других городах, в том числе в Москве? Или это превратное впечатление?

А. Л. Беглов. В городах, где этим не так интенсивно занимаются, часто есть проблема документов. Я сам выявлял ряд документов, где упомянуты какие-то организации, – и мы больше ничего о них не знаем. Или, по крайней мере, пока не знаем. То есть для того, чтобы всплыла более или менее полная картина приходского и братского движения в 1920-х годах, нужно, конечно, анализировать, заниматься региональными исследованиями с использованием материалов местных архивов, опираясь на местные воспоминания, если они есть (а их, как правило, нет). В этом смысле Петербургу и Москве везёт больше, особенно Петербургу. Потому что этот город – всё-таки культурный центр. В нём было очень много интеллигенции, которая писала о себе. А было, скажем, братство охраны Ново-Иерусалимского монастыря, которое было сформировано из крестьян и ничего о себе не писало. А потом началась коллективизация...

Конечно, должны быть какие-то региональные исследования, и их должно быть много. Вот, например, наш американский коллега Грегори Фриз занимался Восточной Украиной, Харьковской областью. У него в 2012 году была опубликована большая статья в журнале «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» (опубликована на русском языке, но у него она ещё и по-английски тоже есть). И это не единственное исследование, так что есть некоторая перспектива. Но пока что мы знаем эти вещи лишь в общих чертах.

М.В. Шкаровский считает временем, когда было уничтожено Александро-Невское братство, 1932 год. А есть ли какие-то хронологические границы жизни тайных монашеских московских общин?

С монашескими общинами всё немного сложнее. В любом случае, 1929–1931 год, то есть коллективизация – это некий рубеж. Эта эпоха не уничтожила всю приходскую активность, в том числе и на селе, но она её в значительной мере подорвала. Потом, в 1937–1938 году, наносится ещё один мощный удар. А главное –

изменилась политика: начиная с 1929 года советская власть осознаёт свою ошибку и начинает преследовать не только священнослужителей, но и верующих мирян, так называемых «церковников». Это значительный удар. Если раньше главным объектом репрессий были всё-таки иерархия и духовенство, то теперь это все верующие, прежде всего приходские активисты.

А. Л. Беглов

Поцелуй мира в древней церкви был не только обрядом: это было священнодействие. И наша привычка к тому, что мы друг другу даже не можем дать этот поцелуй, что эта часть литургии осталась у нас лишь в алтаре у священников, а у мирян не сохранилась, – самая яркая характеристика современного положения

Что в жизни братств может быть актуально в современной церкви?

Священник Анатолий Губин, Выборгская епархия, храм иконы Божией Матери «Нечаянная радость», посёлок Агалатово:

Один из современных наших архиереев сказал интересную фразу: «Нужно перестать возрождать церковную жизнь и начать жить». Именно поэтому тема конференции показалась мне очень актуальной. Отец Георгий Кочетков особенно ярко рассказал в своём выступлении о том, что сейчас Русской православной церкви необходимо действительно начинать жить общинной жизнью, а не только говорить о её необходимости.

Мне самому говорить об общинной жизни в каком-то смысле проще, потому что у меня маленький приход, деревенский. Поэтому мне знакомы все «десять человек», приходящих в храм, и они знают меня. У нас прекрасные взаимоотношения, регулярные чаепития после службы. Я не могу сказать, что у нас идеальная община, о которой мечтают все священнослужители или все чада Русской православной церкви. Но мы пытаемся уделять большое внимание тому, что мы – одна семья помимо того что мы приход. Мы пытаемся не только на словах, но и на деле находиться в духе общины, который естественно достигается в единой евхаристии.

Прошлым летом в Москве проходил православный фестиваль. Одна из площадок на нём была посвящена общинной жизни. До её проведения мы встречались с некоторыми священниками и мирянами Петербургской епархии, которые хотят, чтобы община была у них на приходе. Большая трудность, о которой они говорили, в том, что общаться люди готовы, а положиться на них в

каком-то конкретном деле не всегда выходит.

Пожалуй, Вы правы: во многих храмах люди действительно не совсем готовы полагаться друг на друга. К сожалению, это печальная реальность нашей церкви, когда люди приходят в храм постоять в разных уголках и разойтись: «Я вас не трогаю, и вы меня не трогайте». Эта практика сложилась по большей части благодаря советскому периоду, отчасти благодаря синодальному периоду, и с ней очень тяжело бороться. Я не претендую на истинность, но мне кажется, что такая практика порочна. Отец Александр Шмеман в одной из глав своей книги «Евхаристия. Таинство Царства» – в главе «Таинство единства» – очень ярко говорит о том, что поцелуй мира в древней церкви был не только обрядом: это было священнодействие. И наша привычка к тому, что мы друг другу даже не можем дать этот поцелуй, что эта часть литургии осталась у нас лишь в алтаре у священников, а у мирян не сохранилась, – самая яркая характеристика современного положения. Да, человек не готов почему-то открыто другому сказать: «Христос воскрес», «Христос посреди нас»... Эта проблема действительно есть, она реальна, но с ней можно пытаться бороться. Какие-то шаги пытаются делать священнослужители. У всех, наверное, по-разному получается. Или не получается.

Какие ещё элементы богослужения могут помочь соборанию общины?

Я думаю, что литургика неразрывно связана с жизнью христианина, потому что литургия – центр этой жизни. Единственное – здесь всегда нужно остерегаться однобокости. Храмы, в которых существует разное понимание традиции, не должны между собой находиться в какой-то конфронтации. Это

Священник Анатолий Губин

принципиально важно, по словам апостола Павла. Если говорить о конкретике (опять же, это моё личное мнение): первое – самое главное – это чтение таинственных молитв вслух, ведь хотя они и читаются священником, но всегда от лица всей общины. Важно и общенародное пение. Открытым остаётся вопрос об отверстых царских вратах; и о. Александр Шмеман, и многие другие богословы об этом писали. Главное же – это возрождение евхаристической жизни, регулярное причащение, деятельное участие мирян в богослужении – через общее пение, через соучастие в тайных молитвах, которые читаются вслух священником, через возможное возрождение поцелуя мира (надо всегда смотреть на приходе, готовы к этому люди или нет, всё это надо делать очень аккуратно). Есть и другие вопросы, в том числе проблема языка, которая остро стоит и никуда не денется, если мы не рискнём её решить. Но все эти вопросы должны подниматься по образу евангельской истории о Марфе и Марии. Почему мы осуждаем поступок Марфы? Не потому, что она думала о земном, а Мария о небесном, а потому что она была недовольна тем, как служит Мария, и считала, что только так, как она, можно служить Христу. Нет, Ему можно служить разными способами. Здесь было бы неплохо давать некоторый простор, некоторую свободу нашим приходам, общинам. **КФ**

Бердяев и молодёжь

Вспоминая великого русского философа в год 70-летия его кончины, мы решили посмотреть на него с неожиданной стороны

Бердяев – о молодёжи

После пережитой катастрофы душе русской молодёжи открылись подлинные реальности, реальности религиозные и национальные. В этом её преимущество. Для ряда поколений XIX в. эти реальности были закрыты, и этим души были искалечены, не приобщаясь к истокам подлинного бытия и не получая духовного питания. Многие иллюзии, многие призрачные идеологии рухнули и изобличилась их пустота... Но возникли новые иллюзии, перемишывающиеся с реальностями. Полнота никогда не достигается односторонними реакциями души. Если рухнули иллюзии революционные, то на их место стали иллюзии реставрационные, которые психологически на них очень похожат...

Русская интеллигенция XIX в. чувствовала себя оторванной от настоящего и страстно мечтала о будущем. Такой нелюбви к настоящему, такой оторванности от него и восстания против него, какое мы видим в истории русского сознания прошлого века, не знал ни один народ Западной Европы. Это есть характерно русское отщепенство и скитальчество духа. Оно давало своеобразную свободу и дерзновение, оно противоположно всякому мещанству. Но такая исключительная направленность к будущему создавала ряд иллюзий, иллюзий революционных. Она означает перенесение вечного блага и вечной правды в тот отрывок времени, который называется будущим. Современное поколение молодёжи, ушибленное революцией, поворачивает обратно свою духовную направленность. Оно также и даже ещё более оторвано от настоящего, чем поколение XIX в., но мечтает не о будущем, а о прошлом. Одни идеализируют Россию императорскую, другие Россию допетровскую и московскую, третьи Россию татарскую. Природа мечты такова, что она одинаково может быть направлена и на будущее и на прошлое. Но одинаково ошибочна и порождает иллюзии и мечтательная идеализация прошлого и мечтательная идеализация будущего. Ибо Царства Божьего, царства правды, совершенной жизни нельзя найти ни в прошлом, ни в будущем, ни в настоящем, а лишь в вечном. И лишь обращённость к вечному и воля, направленная к реализации вечного в каждом мгновении жизни, освобождает от иллюзии и призраков, делает людей подлинными реалистами.

Из статьи «Иллюзии и реальность в психологии эмигрантской молодёжи». Журнал «Путь». № 14. 1928 г.

Молодёжь – о Бердяеве

Когда мы думали над темой предстоящего молодёжного форума (ежегодная встреча молодёжи Преображенского братства. – Ред.), один из нас предложил поразмышлять о том, что такое Церковь. И чем дальше, тем больше нам эта идея нравится. У нас с Петром Озерским было задание – найти какую-нибудь цитату, чтобы начать не со своих слов, а от чьего-то интересного мнения оттолкнуться. И мы думали: вот сейчас посидим, повспоминаем, что там есть у святых отцов, в Писании, и что-то найдём. Но какие варианты ни находили, всё что-то не то, «не цепляет», хотя много хорошего. И тут мы вспомнили, что о. Георгий как-то цитировал Бердяева, и это было что-то очень странное: Церковь есть мир, красота, звуки, цветы, птицы. Может быть это то, что надо?

Мы не знали, где искать эту цитату. Пытались найти её через интернет, но поскольку помнили её неточно, поиск не помог. Наконец мы нашли упоминание, что это 10 глава «Философии свободного духа». Открыли, стали читать и у нас просто дыхание перехватило. Вот это

да! Это текст с каким-то невероятным древним опытом. Мне всегда казалось, что в принципе всё можно понять, если постараться. Что-то не понял, взял словарь, подумал и понял. А вот эти слова Бердяева – ты понимаешь, что просто так подумать и понять это невозможно, что это надо *прожить*. А чтобы это прожить, видимо, нужно ещё очень многое. Но при всём этом душа этим словам очень отзывается: «Церковь есть всё, вся полнота бытия, полнота жизни мира и человечества, но в состоянии охристовления, облагодатствования. Церковь имеет космическую природу и забвение этой космической природы есть признак упадка церковного сознания. Понимание Церкви, как лечебного заведения, в которое души поступают на излечение, есть недостойное понимание. Отрицают космическую природу Церкви те, которые видят в Церкви лишь учреждение. Но они-то и должны быть признаны упадочниками. В Церкви растёт трава и цветут цветы. Церковь есть охристовленный космос. В космос вошел Христос, был распят и воскрес. И всё изменилось в космосе, он стал новым. Весь космос проходит свой путь распятия и воскресения. Охристовленный космос, в котором побеждается хаос, есть красота»...

Это удивительно, что есть в нашей церкви люди, которые до такого доходят, и можно к их мысли как-то прикасаться. Через такие вещи открывается, что есть куда расти и о чём думать, и что ещё понимать. И это большое счастье и большой дар.

Из слова Варвары Ивлиевой на братской агапе в день Сретения Господня (2018 год) КФ

Чьё благословение выше

Текст: Анастасия Наконечная. Фото предоставлено Анастасией Наконечной

Владимир Лавренов (Тверь), Анастасия Наконечная (Санкт-Петербург), Татьяна Кондакова (Вельск), Надежда Макурина (Архангельск), Михаил Самухин (Вельск)

В начале февраля в Русской церкви отмечалось 100-летие возрождения братского движения. В прошлом номере мы кратко писали о некоторых связанных с этой датой инициативах, о событиях, проходивших в разных епархиях. В этот раз мы рассказываем о некоторых событиях подробнее.

В небольшом районном центре на Архангельской земле – в городе Вельске – 10 февраля была проведена конференция на тему «Православные братства: вчера, сегодня, завтра. К столетию возрождения православных братств в России».

Помимо местных жителей в форуме приняли участие докладчики

из Петербурга, Твери и Архангельска. В течение работы конференции речь заходила о православных братствах разных эпох – от Киевской Руси до нынешних времен. Особенное внимание уделялось жизни православных братств в XX веке во время самых страшных гонений на церковь в течение всей нашей истории. Советская власть особенно жестоко расправлялась с теми верующими, которые объединялись в союзы, будь то братства, общины или какие-то другие объединения.

Среди гостей конференции были православные верующие Вельска, в том числе несколько представителей единственного в городе православно-

го храма – дьякон Валерий Соснин, алтарник и певчая из хора. Этот храм известен на всю Русскую церковь тем, что в течение четырёх(!) лет там не причащают целое православное братство, а это более тридцати человек. До появления нового настоятеля братчики регулярно участвовали в богослужениях, активно помогали в решении проблем прихода. Но новый благочинный условием продолжения их нормальной церковной жизни поставил *расформирование* возникшего более 15 лет назад братства во имя святителя Стефана Пермского. Когда же братчики (среди которых немало пожилых людей) отказались предать дар общей жизни по Евангелию,

настоятель, несмотря на увещевания из Управления делами Московской Патриархии, продолжил натравливать на них народ, говоря с амвона откровенную неправду. В результате разделение церковного народа дошло до того, что настроенные настоятелем прихожане начали на службе пихать братчиков, оттесняя их, «недостойных», подальше от алтаря. Могли и клюкой приложить... Так в маленьком городе, где все друг друга знают, создалась нервная обстановка, мало способствующая подлинной православной миссии.

Именно у представительницы этого прихода произошёл довольно нестандартный для научных диспутов диалог с первым докладчиком – членом Геральдического совета при Президенте России, кандидатом исторических наук Владимиром Лавреновым:

– Скажите, Вы считаете себя православным христианином, членом православной церкви, да?

– Конечно.

– А в какой храм Вы ходите, где Вы так часто причащаетесь? (Владимир Ильич упомянул в своём докладе о практике еженедельного причастия, соответствующей древней традиции Церкви.)

– Я хожу в храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» при Центре специализированных видов медицинской помощи. Это город Тверь.

– Вы там живете?

– Да, я живу в Твери.

– А я думала, Вы из Вельска.

– Вы хотите к нам приехать? Приезжайте. При этой больнице ещё в XIX веке был построен храм тверскими купцами. Наше братство этот храм поддерживает. Я считаю, что для каждой церковной организации важно не просто говорить о христианстве, а работать так, как это делали наши предки.

– Скажите, а Вы получили благословение от нашего настоятеля проводить конференцию на такую тему?

– На что?

– Чтобы проводить конференцию на православную тему, он ведь наш благочинный.

– Здесь? (Конференция проходила на светской территории. – *Ред.*) Это

Экскурсия по выставке, посвящённой истории братств Архангельской епархии

вопрос не ко мне, я сюда приглашён. А Вы считаете, что настоятель должен благословлять всё что угодно? Я только что участвовал в конференции, которая имеет благословение митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия. Кроме того, у меня есть личное благословение на мои выступления от патриарха Кирилла. Вам недостаточно?

– А от нашего благочинного есть благословение?

– Я уточню: благословение патриарх Кирилл дал мне в Женеве, когда я помогал ему служить в храме, это личное благословение Святейшего патриарха Кирилла. Я думаю, этого достаточно и для Вашего благочинного тоже, если он понимает, что такое церковная организация и послушание архиереям.

Хотелось бы надеяться, что эти слова будут услышаны не только прихожанами, но и настоятелем храма, протоиереем Андреем Ермиловым, который, Бог даст, из гонителя верующих станет тем, кто собирает народ Божий. Пока же в его храме из-под полы раздаются брошюры, полные клеветы на Преображенское братство – одно из крупнейших общественных объединений Русской православной церкви, а дьякон Валерий объезжает окрестности с выступлениями на тему «Обновленчество

в РПЦ» (вовсе не исторические, а выдержанные в духе уже упомянутой брошюры). Совсем недавно, в январе 2018 года, он рассказывал молодёжи и школьникам во время Рождественских чтений в находящейся неподалёку от Вельска Коноше страшные байки о братствах и братчиках.

Возвращаясь к конференции, особо отметим большую передвижную выставку, которая вызвала у участников настоящее вдохновение. Её специально привезли к этому дню из Архангельска. Шесть обширных стендов рассказали об истории более чем 20 православных братств, существовавших на территории Архангельской епархии до Октябрьского переворота. Часть из них какое-то время прожила и при советских гонениях. Докладчики представили карту расположения братств в епархии и изложили богатую, а порой и непростую историю жизни некоторых из них.

В этот день, 10 февраля, церковь отмечала Вселенскую родительскую субботу. Как заметила ведущая конференции Татьяна Кондакова, «в эту родительскую субботу мы вспоминаем не только родных и близких, но и многих членов православных братств, которые как будто помогают нам расширить границы церковного поминовения». **КФ**

«Бедненький, что ж ты с собой творишь?»

Интервью с катехизатором Николаем Фуштеем (Молдова)

Вы много лет занимаетесь катехизацией, начали в 1989 году в Сергеевом Посаде. И вот прошло уже почти 30 лет. Как Вам кажется, изменилось ли что-то в людях, которые приходят к Богу?

Мне кажется, что изменилось. Раньше чувствовалось, что люди изголодались по слову Божьему, по вере, и они «хватали всё, что попадало» (и не всегда попадало то, что надо). Но постепенно ситуация изменилась, во всяком случае, люди уже не готовы воспринимать всё, что ты говоришь. Они хотят знать, *почему* ты так говоришь. И мы вынуждены вспоминать слова апостола Петра: всегда отвечать вопрошающим в надежде, которая в нас есть. Мало просто говорить, что есть Бог, что

православие – это истинная вера, что православная церковь спасет. Всегда за этим следует вопрос – а почему?

И мне кажется, что это хорошо, потому что люди теперь становятся не просто «верующими по традиции». А я уверен: если человек воспринимает веру осознанно, его ничто не может поколебать в ней. Он будет стоять в ней до конца, и никакие посулы, материальные или иного рода, уже не собьют его с курса. И слава Богу, что такие люди есть, хотя их немного.

К Вам на оглашение приходят взрослые люди?

Конечно, взрослые! Но я бы не сказал, что на оглашение, потому что они уже крещёные. Оглашение когда-то было для некрещёных. Сейчас, к сожалению, поставили телегу впереди лошади: сначала крестят, а потом, если даст Бог, они ещё пройдут оглашение.

Есть такое святоотеческое утверждение: во время катехизации человек, обращаясь к Богу, всерьёз входя в церковь, должен отказаться от главного идола, который его держит, который стоит на месте Бога в его жизни. Часто это бывают очень хорошие вещи: наука, искусство, семья, работа, здоровье – всё, что угодно. Замечаете ли Вы в этом какие-то изменения за эти 30 лет, или это вечная проблема?

Есть такая французская поговорка: «Путь в ад устлан добрыми намерениями». Враг рода человеческого действительно знает, как

человека подцепить, отвлекая его от главного. Но знаете, люди либо уходят с оглашения, потому что их не удовлетворяет то, что им говорят, либо если уж остаются, то остаются до конца. И нет ничего удивительного в том, что в конце концов человек выбирает: либо он делает то, что ему церковь предлагает сделать, либо он делает то, что хочет делать. Именно это характеризует человека.

Какую задачу Вы себе ставите? Как Вы видите, что человек реально проходит катехизацию, что этот процесс проходит по-настоящему, всерьёз касается его сердца?

У меня есть специальная программка, есть тематика. Это как ликбез, как обучение азбуке. Каждую букву нужно учить отдельно, и в конце человек сам уже может прочитать любой текст. То же самое и я ставлю целью: дать ориентиры, которые человек потом может использовать для того, чтобы самому принять правильное решение. И большинство принимает то, что я им говорю. Сначала человек приходит сюда, и у него много вопросов, на которые он не находит ответа где-то в другом месте, и он хочет сразу услышать ответ. Вот он первый раз пришёл в церковь или первый раз на уроке, и уже спрашивает: «Что такое спасение? Кто такой Христос? Зачем я должен ходить в церковь?» Я пытаюсь объяснить: «Подождите, когда закончим курс, вам всё станет ясно». И интересно, по окончании курса, – он у нас длится три года, – я им задаю те вопросы, которые они задавали. Смотрю, они сами отвеча-

В православии грех – это болезнь. Ну как можно ненавидеть больного? Как можно, имея перед собой больного, который и так страдает, ещё и издеваться над ним? Мне хочется обнять его и сказать: «Бедненький, что ж ты с собой творишь?»

Исцеление расслабленного. Н.А. Бруни. 1885 г.

ют. И я говорю: слава Богу! Значит, я не зря потратил эти три года.

А как Вы эту программу составляли? На что опирались?

Программа составлена по плану Символа веры, по каждому его члену. Человек XXI века – очень рациональный, и то, что он воспринимает умом, он скорее всего воспримет и сердцем. Ум у него на первом плане: понимаю, значит, принимаю. И приходится приводить примеры из области других наук, не только богословия. Из физики, из математики... Это помогает людям понять, скажем, образ Святой Троицы. Они же привыкли, что один плюс один и плюс один будет три. И вот приходится из математики, из физики приводить примеры, убеждающие, что это не всегда так.

Несколько лет назад Свято-Филаретовский институт проводил конференцию для катехизаторов, и один учёный делал доклад о современном взгляде науки на сотворение мира. Оказалось, что то, чему нас когда-то учили в школе, уже отменено, господствуют новые теории. Он как раз соотносил всё это с Шестодневом... При этом о самом начале наука не может ничего сказать, потому что это выходит за рамки её представлений.

Это так, потому что современная наука не может описать события, происходившие за время, меньшее, чем планковское время (от 0 до 10^{-43}

секунд). Это период времени, о котором наука молчит. Не говорит она и о самом моменте Большого взрыва (если принять эту теорию, сейчас её тоже оспаривают), потому что в этот момент теряется связь между причиной и следствием. Так что возможны любые предположения. С точки зрения современной науки можно допустить, что Бог был до описываемого нами периода времени и сотворил сингулярность, из которой потом произвёл весь мир.

Получается, что сегодня для того, чтобы проводить катехизацию, нужно разбираться в очень многих вопросах.

Не зря же говорили, что священник должен быть на голову выше самого образованного члена своего прихода. Сейчас, к сожалению, не так. Но к нам на занятия приходят люди с высшим образованием, в том числе политехническим. Слава Богу, что я тоже политехнический вуз закончил: мне легче с ними говорить. И они сразу своего, «родного» нашли... Это ведь тоже влияет на способность восприятия.

А что Вам кажется самой главной трудностью на сегодняшний день в том, чтобы достучаться до человека?

Самая главная трудность, мне кажется, – это отсутствие любви. К сожалению, у нас, у православных – страшно признаться! – её очень недостаёт... Вы знаете, была в советское время такая песенка: «Мы не пашем, не сеем, не строим – мы

гордимся общественным строем»*. Вот и мы так же гордимся тем, что мы православные. А что это нам стоит? Здесь никакой заслуги нашей нет, и нечем нам кичиться, нечем гордиться. Надо благодарить Бога, что нам не пришлось прийти через тернии к православию. Попробуй, например, сейчас быть православным, верующим, христианином на Ближнем Востоке, где за это тебя могут и распять. Я помню фотографию маленького ребенка, которого толкнули в огонь за то, что у него была Библия. И вот потом отошли, он встал, весь в саже, прижимая к груди Библию. Знаете, сейчас хочется плакать... Говорю: «Господи, вот в этом маленьком существе такая вера и любовь к Тебе, почему у нас её нет?» Почему в любом человеке грешном мы видим врага Бога? Глупые мы. Разве у Бога могут быть враги? Как можно ненавидеть человека, даже если он грешный? В православии грех – это болезнь. Ну как можно ненавидеть больного? Как можно, имея перед собой больного, который и так страдает, ещё и издеваться над ним? Мне хочется обнять его и сказать: «Бедненький, что ж ты с собой творишь?» Я не понимаю наших «православных», которые готовы убить человека за то, что он не так исповедует Бога! Да ты живи так, как надо, и он, увидев тебя, придёт к Богу. Оставь *ты* грех... Нет у нас любви. У нас есть гордыня – гордыня, что мы православные. Но нам нечем хвалиться, потому что для нас быть православными ничего не стоит, нам это дано даром. **КФ**

* «Марш бюрократов» из кинофильма «Забятая мелодия для флейты» (1987 г.). Стихи Э. Рязанова, музыка А. Петрова.

Защитники Отечества

В дни столетия начала Первого Кубанского (Ледяного) похода и создания Добровольческой армии в Москве прошла конференция «Белое движение и российское общество 100 лет тому назад»

Текст: Александра Колымагина. Фото: Максим Соболев

Мы начинали поход в условиях необычайных: кучка людей, затерянных в широкой донской степи, посреди бушующего моря, затопившего родную землю...

С винтовкой, с вещевым мешком через плечо, заключавшим скудные пожитки, шли они в длинной колонне, утопая в глубоком снегу... Уходили от темной ночи и духовного рабства в безвестные скитания...

Пока есть жизнь, пока есть силы, не всё потеряно. Увидят «светоч», слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе – те, кто пока ещё не проснулись.

А.И. Деникин.

Очерки русской смуты

И доклады, и следовавшая за каждым из них дискуссия никого не оставили равнодушным

23 февраля, когда миллионы людей, живущих на постсоветском пространстве, привычно дарили подарки мужчинам и мальчикам (не зная, что именно в этот день Ленин сто лет назад шантажом принудил Совнарком принять позорный мир с Германией), около сотни человек собрались на скромную панихиду в московском храме Космы и Дамиана. Они вспоминали тех, кто 22 февраля 1918 года выступил на защиту уничтожаемой большевиками России, – участников первого Кубанского (Ледяного) похода.

Последовавшая за этим конференция началась со слов, вынесенных нами в эпиграф.

В переполненном зале «Покровских ворот», где люди стояли вдоль стен, собралась на самом деле лишь очень небольшая часть жителей гигантского мегаполиса. И это напоминало о том, что те четыре с небольшим тысячи человек, которые вышли в первый поход Добровольческой армии, составляли очень незначительную часть не только 180-миллионного населения страны, но даже и её 15-миллионной армии.

Тем не менее Белое движение с первых дней было явлением всероссийского масштаба. Поражение же его стало, по словам священника Ильи Соловьёва, «страшной трагедией исторической России».

Размышления о причинах этого поражения так или иначе возникали в каждом из докладов, касался ли он их напрямую (как доклад о. Ильи), был ли посвящён политической программе Добровольческой армии, как доклад профессора В.Ж. Цветкова, или касался проблем взаимоотношений и взаимодействия церкви и Белого движения (доклад зав. кафедрой церковно-исторических дисциплин СФИ К.П. Обозного).

Почему силы Белого движения не смогли объединиться и вместе решительно ударить по врагу? Привед-

шие к этому обстоятельства были охарактеризованы как случайные и непредвиденные. Но прежде всего вставали вопросы глобальные: почему люди в большинстве своём не встали на защиту исторической России? Как стало возможным такое ослепление и одичание народа, при котором он оказался в лучшем случае пассивным зрителем, а в худшем – соучастником чудовищных преступлений? В ответ назывались духовные проблемы: слабость веры; неправильное представление о ней, когда второстепенное ставилось на первое место; утрата соборного устройства церкви. Эти проблемы были общими для всего народа, хотя и невозможно сравнивать богборцев-большевиков со всего лишь слабыми в вере, а то и равнодушными к ней (по горькому свидетельству митрополита Вениамина (Федченкова)) офицерами Белой армии. И неслучайно в последнем докладе прозвучали слова из послания патриарха Тихона: «Никто и ничто не спасёт Россию, пока русский народ не покается».

В завершение конференции хор Свято-Филаретовского института исполнил несколько песнопений, начав со старинного русского гимна «Коль славен наш Господь в Сионе». В этот момент весь зал встал, и мне будто услышалась та Россия, защитить которую встали те плохо вооружённые, голодные, оборванные молодые люди и мальчишки, которые не могли не выйти на защиту своей страны. Памятник юнкерам (о чём с горечью напомнил о. Илья Соловьёв) до сих пор не стоит там, где он должен был бы стоять, – там, где бьётся сердце нашего народа, у Кремля, который они защищали. И память о первопоходниках хранят немногие люди. Но эта память жива, и пока мы помним о понесённом всеми нами (а не только воинами Добровольческой армии) поражении перед силами зла, пока чувствуем эту боль и позор и ищем путь выхода – надежда остаётся. **КСФ**

Братский помянник

1 марта 1926 года скончался Андрей Иванович Фурсей.

Он был правой рукой Николая Николаевича Неплюева, основателя известного в XIX — начале XX вв. Крестовоздвиженского братства под Черниговом. Андрей Фурсей преподавал в братской школе земледелие и одновременно управлял ею, а также управлял имением братства. Скончался в заключении в возрасте 57 лет.

7 марта 1977 года скончался Сергей Иосифович Фудель.

В «самиздате» его книги о Церкви обжигали читателя своей правдой и глубиной и запоминались на всю жизнь. Духовный писатель, проведший в советском заключении более десяти лет, знавший лично многих новомучеников и исповедников, он говорил: «Церковь есть стояние у Креста».

8 марта 1994 года скончалась Евфросиния Антоновна Керсновская.

Она прошла ад сталинских тюрем и лагерей, всюду поступая по правде, и чудом осталась живой. Известность пришла к ней незадолго до кончины — когда сначала в «самиздате», а затем и в открытом доступе появилась её единственная книга «Сколько стоит человек».

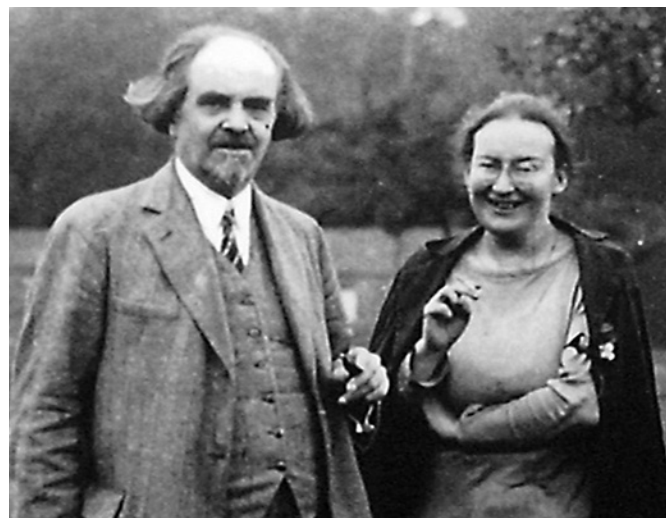
22 марта 1979 года скончалась сестра из Александро-Невского братства монахиня Евгения (Миллер).

Основательница тайной иноческой общины братства, жившей на Конной улице в Ленинграде. Пережила четыре ареста, была приговорена к расстрелу, который в последний момент был отменён. После 1939 г. вместе

с другими членами Александро-Невского братства жила в общине архим. Гурия (Егорова) под Ташкентом. Помогала семье о. Павла Адельгейма, особенно в период его лагерного срока (нач. 1970-х гг.).

23 марта 1948 года в Клараре (Франция) скончался Николай Александрович Бердяев.

Гениальный философ, предсказывавших приближающуюся Русскую Катастрофу, он, к сожалению, так и не был услышан. Его труды и откровения, не потерявшие своей актуальности и сегодня, ещё не восприняты до конца, и наследие его пока так и не усвоено.

24 марта* 1894 года скончался архимандрит Антонин (Капустин).

Главным подвигом этого блестящего богослова и проповедника, археолога, автора более 100 книг и публикаций стало создание Русской Пале-

стины. Тридцать лет во главе Русской духовной миссии в Иерусалиме он строил храмы и монастыри, паломнические приюты и школы для местного арабского населения.

31 марта 1945 года в нацистском лагере в Равенсбрюке была казнена преподобномученица Мария Парижская.

Монахиня Мария (Скобцова) была создательницей благотворительного объединения «Православное дело», миссионером, богословом, церковным публицистом. До последних минут жизни в лагере она помогала соузникам помнить о Христе и не терять надежду. В одной из своих статей она с надеждой писала: «Через сто лет будет существовать некий орден или братство, во всяком случае, некий подлинно живой организм, некая подлинная соборность, церковное тело, Тело Христово. <...> Это будет подлинное осуществление общего дела».

*Даты до 31 января 1918 года приводятся по старому стилю.

Кто не умер для любви, идите!

Доклад Е.Е. Старостенковой¹ «Милосердие как образ жизни» об истории создания и деятельности Свято-Николаевского братства в Житомире (1918–1934), прозвучавший на конференции «Православные братства в истории России»

Свято-Николаевское братство в Житомире родилось 1 сентября 1918 года по благословению архиепископа Волынского Евлогия (Георгиевского) и призыву протоиерея Аркадия Остальского, настоятеля житомирского Свято-Николаевского храма на Смолянском кладбище.

Рождение этого братства, вероятно, не было буквальным ответом на призыв патриарха Тихона. Ни в одном известном документе об истории братства нет упоминания о патриаршем призыве. Однако в воспоминаниях владыки Евлогия² неоднократно говорится о полученных им в 1918 году телеграммах от патриарха Тихона, с которым Волынский архиерей был многие годы знаком лично и с которым был в единомыслии. Владыка Евлогий, как и патриарх, имел возможность убедиться в ходе деятельности Поместного собора, что смуту революционного брожения можно преодолеть молитвенным преображением³.

Волынь, где разворачивалась деятельность братства, – это западная область Российской империи, воочию видевшая все ужасы Великой войны. Послеревolutionонные смуты здесь были усугублены национализмом и иноземными вторжениями. Архиепископ Евлогий первый раз подвергся аресту в том же 1918 году, когда благословил создание Свято-Николаевского братства, а через два года

Протоиерей Аркадий
Остальский

был выслан из страны. И судьба его детища – Свято-Николаевского братства – не была лёгкой. Трудности не помешали братству просуществовать более десяти лет и пережить несколько кампаний гонений: аресты 1922 и 1931 годов, закрытие храмов и даже официальный запрет на деятельность братства, после которого оно перешло на нелегальное положение.

О деятельности братства

Свято-Николаевское братство создавалось в форме союза, не привязанного к одному приходу. Дело это для

Житомира не было ни необычным, ни организационно сложным. В городе до этого многие годы действовало Владимир-Васильевское братство, объединявшее мирян из разных приходов.

Устроение нового братства совершилось чётко и быстро. В газете «Волынь» от 1 сентября 1918 года было напечатано обращение протоиерея Аркадия Остальского следующего содержания: «Добрые люди! К вам наши слова! Тесным кольцом стиснули нас беды. Дороговизна жизни, безработица, болезни и прочие страшные гости выбросили на улицу сотни несчастных. Каждый день несёт новые жертвы: то слышим мы о самоубийстве оставшегося без средств бывшего защитника несчастной Родины; то несутся печальные вести о заболеваниях и смертях от голода, а то и сами мы, стоя в очередях, видим, как падают на мостовую истощённые несчастные матери, единственные подчас кормилицы своих семейств... Кто не умер для любви, идите! Идите, ради Христа, ради страждущего ближнего и записывайтесь в члены Братства!»⁴

Учредительное собрание, которое проходило в тот же день в здании уездного суда, открыл сам архиепископ Евлогий, затем выступил о. Аркадий Остальский с обращением к мирянам и священнослужителям.

Следующие пункты повестки дня включали чтение устава и выборы

¹ Е.Е. Старостенкова, внучка погибшего в годы репрессий священника Михаила Шика и Натальи Дмитриевны Шаховской, – директор Благотворительного фонда «101 км. Подвижники Малоярославца».

² Митрополит Евлогий (Георгиевский). «Путь моей жизни». Режим доступа: <https://azbyka.ru/fiction/put-moej-zhizni/2/#n16>. Напомним, что владыка после высылки из России многие годы возглавлял русские православные приходы Московской Патриархии в Западной Европе (а с 1931 года – Западноевропейский экзархат

русских приходов в юрисдикции Константинопольского Патриархата). В 1922 году по предложению патриарха Тихона был возведен в сан митрополита.

³ Об этом владыка писал, в частности, в своих воспоминаниях о работе Поместного собора, делегатом и главой одного из комитетов которого он являлся. См. там же.

⁴ О. Николай Доненко. Свято-Николаевское братство священномученика Аркадия (Остальского) в Житомире. Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/368/90658.php>

«Каждый день несёт новые жертвы: то несутся печальные вести о заболеваниях и смертях от голода, а то и сами мы, стоя в очередях, видим, как падают на мостовую истощённые несчастные матери, единственные подчас кормилицы своих семейств... Идите, ради Христа, ради страждущего ближнего и записывайтесь в члены Братства!»

должностных лиц нового братства. Устав Братства определял цель его создания и деятельности как помощь бедным и страждущим, независимо от сословия. Сама же помощь должна была оказываться пищей, квартирой, одеждою и деньгами.

Вступающие в Братство обязывались ежемесячно вносить в его казну некоторую сумму денег, размер которой каждый из братчиков определял самостоятельно. Вместе с тем, насколько можно судить по доступной информации, одними взносами в братскую казну участие в деятельности этого братства не могло ограничиваться. От каждого члена братства непременно ожидалось и личное участие – как в жизни храма, так и в работах, организованных братством.

Вот как об этом вспоминала одна из деятельных участниц Свято-Николаевского братства София Зиновьевна Каррик:

«В братство я поступила в 1921 или 1922 году (точно не помню). Возглавлял это братство протоиерей Аркадий Остальский. Я узнала, что в братстве есть группы, как-то: больничная, благотворительная, погребальная, группа по пению и чтению в церкви. Записалась я в больничную группу, цель которой состояла в следующем: посещать больных, оказывать им медицинскую санитарную помощь, а также и материальную. Средства для этого были от добровольных взносов членов братства. <...> Собрания братские бывали в церкви после службы, на которых говорилось о нуждах по поступающим в братство заявлениям, и здесь же распределялось, каким лицам надо было выполнять эти нужды.

Отец Аркадий отличался добро-

той и жертвенностью, о которой говорили, что она выходит за пределы понимания эгоистичных людей. О его бескорыстии в городе ходили легенды. Он ставил близких в тупик своим абсолютным равнодушием к любым вещам, в его комнате, как правило, практически не было личных вещей. Рассказывали, что он, отправившись однажды в Киев в сапогах, пришел в мать городов русских в лаптях – поменялся обувью с кем-то из встреченных им по пути бедняков. Таких историй было немало. Известен был о. Аркадий и как блестящий проповедник и миссионер. В дореволюционные годы он много содействовал переходу в православие членов многочисленных на Волыни сект. Был он и блестящим организатором массовых многодневных крестных ходов в Почаевскую Лавру и в Киев.

Одним словом, был он личностью известной и популярной – как в самом городе, так и на Волыне. Со временем приток молящихся в храмы, в которых служил о. Аркадий⁵, вырос настолько, что ему пришлось, подобно праведному отцу Иоанну Кронштадтскому, применять общую исповедь⁶.

На молитвенную память духовным чадам о. Аркадий дарил свои фотографии с дарственными надписями. Одной из них – братчице Галине Ивановой он написал следующие слова:

*«Всем не помочь, себе не говорите,
Вдовицы лепту принял же Христос.
Хоть одному страдальцу помогите,
Хоть каплю осушите слёз.
Труд и смирение
Есть лучшее для христианина утешение.
И счастлив тот, кто в день несчастья*

*Хоть раз дал руку бедняку,
И осушил слезу участием,
И в радость обратил тоску».*

Первое четверостишие о. Аркадий взял из стихотворения «В альбом» члена Свято-Николаевского братства поэта Константина Константиновича Роше⁷.

В братство потянулись и жители соседних деревень. Об этом имеются документальные свидетельства. А общее число членов братства в годы расцвета его деятельности (1918–1922) достигало 120 человек⁸. Это, вероятно, немало для города, население которого в первые революционные годы составляло 90 тысяч человек. Но и не так уж много. Скажем, в Красную армию в мае 1919 года записалось из жителей Житомира 600 человек. В одном только мае и в одном только 1919 году.

Среди членов братства были представители всех слоёв тогдашнего российского общества – от обывателей небольшого городка на Волыни и крестьян соседних деревень до представителей высших слоёв тогдашнего российского общества, включая близких к императорской фамилии людей. Их стремление исполнить евангельские заповеди было свободным личным выбором и отнюдь не диктовалось ни общественным, ни имущественным положением.

Хочется особенно подчеркнуть, что в числе членов братства не было людей, обладавших в послереволюционные годы какими-то особыми материальными возможностями. Большинство из них пребывали в тех же условиях, что и все остальные горожане. Их милосердие и готовность поделиться последним были основаны на убеждении в том, что без

⁵ Братство сохраняло за собой два домовых храма – Трёхсвятительский, в здании бывшей семинарии, и небольшой Благовещенский в Каретном переулке в здании бывшей духовной консистории. Настоятелем обоих также был о. Аркадий.

⁶ О. Николай Доненко. Свято-Николаевское братство священномученика Аркадия (Остальского) в Житомире. См.

<http://pandia.ru/text/77/368/90658.php>

⁷ К.К. Роше известен также как воспитатель будущего поэта Саша Чёрного, которого он взял к себе ребёнком.

⁸ Там же. Отец Николай Доненко в своей статье о деятельности братства пишет, что имена всех братчиков известны, однако списка не прилагает.

Наталья Ивановна Оржевская (Шаховская)
в Казахстане. 1938 г.

веры и любви к ближнему все людские старания тщетны. «Так хотелось бы мира не только на словах, но и на деле. Мира и любви. Последнее не признаётся людьми настоящего времени, а прочно только то, что на ней зиждется, а без неё всякое создание построено как на песке», – так писала о своих чаяниях Наталья Ивановна Оржевская, которая с 1925 по 1933 годы была председателем Свято-Николаевского братства⁹.

Возможно, что на первых порах, действительно, основу средств братства составляли денежные средства Натальи Ивановны Оржевской (урождённой княжны Шаховской), с первых дней существования братства принявшей в его деятельности самое активное участие, в том числе и финансовое. Однако источником доходов скоро иссяк и у неё. С установлением советской власти на Волыни в 1920 году её имение было национализировано, и на дела милосердия она тратила деньги, заработанные преподаванием немецкого языка, и финансовую помощь от членов семьи. Семья же и сама пребывала в эти годы в весьма стеснённых обстоятельствах, о чём красноречиво свидетельствует переписка племянницы Н.И. Оржевской, Н.Д. Шаховской-Шик, с мужем, о. Михаилом Шиком¹⁰. Скорее всего,

не материальная помощь, а деятельное участие в судьбах людей и посильное содействие – вот что было главным стержнем деятельности Свято-Николаевского братства¹¹. И главным смыслом для самих братчиков, стремившихся воплотить свои чаяния и надежды на лучшую жизнь не в делах ненависти и насилия, а в делах милосердия.

Хроника гонений

В 1922 году о. Аркадий Остальский был арестован. Судебный процесс по обвинению его в антисоветской деятельности во время кампании по изъятию церковных ценностей закончился смертным приговором. Очевидцы утверждают, что священник заснул на судебном заседании и приговор свой проспал. Когда его разбудили и объяснили, что его приговорили к смерти, спокойно ответил: «На всё воля Божья, – смерть для меня избавление». Однако смертный приговор по многочисленным ходатайствам братчиков был заменён на заключение, сроки которого неоднократно пересматривались и сокращались.

А братство продолжало действовать. Но уже гораздо менее открыто, чем это было прежде. Не только его деятельность постепенно ста-

Наталья Ивановна Шаховская
в молодости

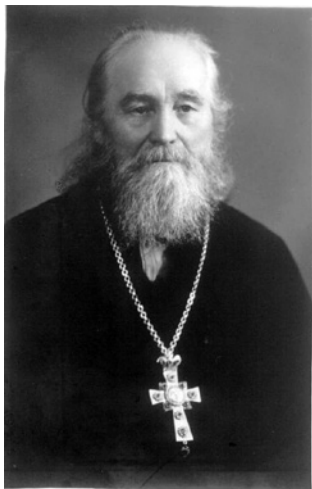
новила всё менее открытой, но и атмосфера внутри самого братства становится более скованной – страх доносов сменил прежнюю атмосферу взаимного доверия. И всё же братский дух продолжал жить в этих людях.

Отец Аркадий вышел на свободу в 1925 году. Жена его покинула и попросила развод. Детей в их браке не было, о. Аркадий воспринял развод как освобождение для будущего пострига и отправился помолиться в Дивеево.

«Будешь епископом, но из тюрьмы не выйдешь», – такое предсказание получил он от Дивеевской блаженной. В Сарове о. Аркадий был пострижен в мантию, а в сентябре 1926 года он стал епископом Лубенским, викарием Полтавской епархии. В октябре того же года вновь был арестован и подвергнулся высылке в разные города – в Харьков, в Туапсе, в Казань...

¹⁰ Из письма Н.И. Оржевской своей племяннице А.Д. Шаховской от 02.08.1935 г. Семейный архив Шиков-Шаховских.

¹¹ См. Непридуманные судьбы на фоне ушедшего века». КПФ «Преображение», М., 2015, 2017.

Протоиерей Иоанн Серов

В 1927 году власти закрыли оба братских храма. Наталья Ивановна как председатель Братства хлопотала в Харькове о передаче Братству Свято-Покровского храма, но безуспешно. Братчики вынужденно перешли на нелегальное положение и переместились вместе со священниками Иоанном Серовым и Юлианом Красицким в Иаковлевскую церковь, расположенную на Русском кладбище Житомира.

Часть братчиков поселилась неподалеку от храма. Один из домов полностью принадлежал им. Все жили единой общиной, проводили совместные трапезы, по четвергам и пятницам совершались богослужения в кладбищенской церкви специально для братчиков. Деятельность братчиков (их число значительно сократилось) всё больше концентрировалась на помощи ссыльному духовенству и их семьям. Однако братство оставалось действующим и тогда, когда его храмы были закрыты, многие братчики – как миряне, так и священники – подверглись гонениям, а иные отпали от братства¹².

А владыка Аркадий после мытарств по разным городам нелегально поселился в Ленинграде и тайно служил в подворье Киево-Печерской

лавры. Новый арест – в мае 1928 года – застал его в Москве. В первопрестольной он сблизился с мечёвским кругом. Но ему не было суждено пробыть в столице долго. После ареста он был заключён в Бутырскую тюрьму, а затем приговорён к пяти годам лагерей. Срок отбывал на Соловках. В лагере срок ему продлили ещё на 5 лет.

Известно, что в 1931 году Наталья Ивановна ездила к владыке Аркадию в лагерь на Соловки и привезла ему свидетельства того, что братство продолжало действовать, несмотря на ужесточение репрессий¹³.

В голодные годы 1932–1933 благодаря деятельности братства были спасены жизни сотен жителей города. Рассказывали, что Наталья Ивановна Оржевская, получив переводы через Торгсин от родственников из-за границы, приобретала необходимые продукты питания. В день, когда она получала такие переводы, все те, кому она оказывала помощь, уже ждали её на пути от магазина до квартиры. Домой она часто приходила только с маленьким мешочком крупы.

В 1934 г. была арестована племянница Н.И. Оржевской – Наталья Сергеевна Шаховская. За «связь с заграницей» её отправили в ссылку в Казахстан, за ней туда отправилась и тётя.

Н.И. Оржевская прожила в ссылке почти пять лет, продолжая вести деятельную и активную жизнь. Умерла она 15 июня 1939 года, посетовав перед смертью о том, что очень расстроит своим уходом брата – Дмитрия Ивановича Шаховского, очень её любившего. Не могла она тогда знать, что весть о её смерти до брата не дойдёт. Он был расстрелян 15 апреля 1939 года на спецобъекте «Коммунарка».

А священномученик Аркадий (Остальский)¹⁴, епископ Бежецкий, не имевший возможности потру-

Священномученик епископ Аркадий (Остальский). Фотография второй половины 1920-х годов

диться на своей кафедре после назначения на неё ни одного дня, был арестован через несколько месяцев после освобождения из десятилетнего Соловецкого заточения. Отвечая на вопрос следователя о том, что необходимо сделать для укрепления церкви, он говорил: «Церковь расшатывается вследствие нашего нравственного падения, ...чтобы укрепить Церковь, необходимо в основу положить наше нравственное усовершенствование. Нравственное усовершенствование является единственным средством укрепления Церкви, наивысшим средством мы не можем располагать».

По приговору тройки владыка был расстрелян на Бутовском полигоне 29 декабря 1937 года. **КФ**

¹² Память о деятельности Свято-Николаевского братства в Житомире жива и сегодня. О братстве опубликовано несколько работ местных историков и краеведов.

¹³ Так, согласно сведениям из частично опубликованного дневника о. Иоанна Серова, в лучшие годы в братстве было около 100 членов, а в период после 1927 года – 10–15 членов (см.: <http://www.proza.ru/2008/04/17/39>).

¹⁴ В ночь с 16 на 17 марта 1931 г. были арестованы священники

Свято-Николаевского братства о. Юлиан Красицкий, протоиерей Иоанн Андреевич Серов, протоиерей Александр Васильевич Гаврилюк, о. Илья Александрович Николаев, а также миряне и братчики Пётр Фролов, Неонила Авхукова, Софья Каррик и монахиня Хиония (Ящинская).

¹⁴ Причислен к лику новомучеников и исповедников Российских на юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Наша и не наша история

Беседа в Культурно-просветительском центре «Преображение» 1 января, за обедом после празднования встречи Нового 2018 года, во многом стала итогом размышлений минувшего года столетия Русской Катастрофы

Разговор начался с того, что родственница протоиерея Валентина Амфитеатрова, Галина Скаткина, прочитала Открытое письмо сына о. Валентина, Александра Амфитеатрова, Ленину*.

Вот фрагменты этого письма.

А.В. Амфитеатров

«Существует ли грань между идейным коммунизмом и коммунизмом криминальным? Если существует, то где она? Сознаете ли Вы, что Ваша идея растворилась в коммунистической уголовщине, как капля уксуса в стакане воды, и если это знаете, то как можете Вы, человек идеи, мириться с этим? Уверяю Вас, никто из Ваших подданных этой грани не чувствует, не чувствует её потому, что ужас, произвол,

голод, нужда трехлетнего ига Вашего притупили и атрофировали в них способность разбираться в обстановке и отличать добро от зла и правду от лжи. И не потому, что Ваш режим окружает их людьми, снабжёнными, кроме партийных билетов, непогрешимостью пап и душевной чистотой новорожденных младенцев, а потому, что грань эта, если и существует, бесконечно от них далека; она вне их кругозора, а всё, что видят они, всё, с чем соприкасаются, — ложь, обман, провокация, насилие, тирания и уголовщина сверху, уголовщина снизу, справа и слева. Допустим на минуту, что в затворничестве своём под сводами московских теремов, в величественной тиши Кремлёвского дворца, Вы далеки и чужды от будничной стороны Вашего режима, как далёк и чужд был народной жизни Ваш коронованный предшественник. Но ведь на каждом шагу своей государственной работы, в каждом вашем акте внешней и внутренней политики Вы не можете не ощущать и не видеть того краха, который потерпела Советская

власть за три года своего существования. Переверните страницу истории и посмотрите, чем была идея народовластия, когда Вы привезли её с берегов Женевского озера, и чем теперь стала.

...Имейте, Владимир Ильич, мужество признать, что главный козырь Ваш — ставка на всемирную революцию — бит. Бит он потому, что, принес на знамёнах своих самые соблазнительные лозунги, какие знает человечество, Вы для осуществления их выбрали противоестественный путь, страшный путь: путь крови и насилия. Вы потребовали крови, потребовали отрицания всего, что составляет сущность человеческого бытия. Вы думали, что имеете дело не с людьми, а с сверхчеловеками, готовыми с эпическим спокойствием созерцать гибель своей родины, смерть своих жён и детей от голода и от пуль Ваших опричников во имя проблематического блага грядущих веков. Вооружённый бумажными теориями, рассматривая предметы сквозь призму сухого учения Карла Маркса, Вы не могли видеть истинных свойств и качеств тех людей, которым Вы с легким сердцем обещали столько же счастья в будущем, сколько согласятся они в настоящее время пролить слёз и крови. Вы пошли вразрез их самым жизненным интересам, привязанностям и убеждениям, и Ваша кардинальная надежда рухнула; центральный стержень всей Вашей машины переломился, и сколько бы

десятков и сотен фунтов стерлингов не разбрасывали Вы из русского народного кармана, Ваши агенты всех частей света ничего не достигнут.

...Не Ваших ли послов высылают, как нежелательный элемент то из Швейцарии, то из Дании, то из Норвегии. Не Вашего ли Каменева вышвырнули из Лондона, как зарвавшегося в шулерстве игрока выбрасывают из клуба. Не Ваших ли дипломатов ловят, как рецидивистов, за попытку продажи выкраденных из русской короны бриллиантов. Не Ваш ли советский дипломат Литвинов, «коммунист и представитель Рабоче-Крестьянского Правительства», покупает на копенгагенском пляже виллу за 100 000 руб. Какой позор, какое унижение. Неужели Вам самому не стыдно.

Не Вы ли подписали декрет об отмене смертной казни, и разве до Ваших ушей не доносятся в тиши кремлёвских палат залпы непрерывных расстрелов. Не Вы ли провозгласили в России все виды свободы, не Ваши ли советские жандармы закрыли все газеты, арестовывают собрания, расстреливают, притесняют рабочего, заковывают в цепи труд, возрождают крепостное право и ужасы аракчеевских казарм. Не Ваша ли власть до того измельчала, и опаскудилось, и потеряла понятие о нравственности до того, что поднесла Троцкому чин генерала революции. Некуда падать ниже, не правда ли. А Вы всё ещё у власти».

* Письмо было опубликовано 8 сентября 1921 года в эстонской газете русских беженцев «Последние известия» вскоре после побега А.В. Амфитеатрова с семьей за границу в лодке через Финский залив.

Большевики – это не наша история, это против всякой истории. Да, это письмо – приговор. Приговор, вынесенный от лица нашей истории тому, что происходило 100 лет назад. Мне кажется, что такие приговоры должны быть. Плохо, что их сегодня не слышно

Дмитрий Гасак. Несомненно, что человек писал это письмо, понимая, что ни к каким политическим изменениям оно не приведёт. Ленин такого языка не понимал. Для него существовал только язык войны, прямого вооружённого насилия. Это в каком-то смысле письмо к нам. Это письмо – обличение Ульянова-Ленина, которое остаётся в веках. Это нравственный приговор.

Священник Георгий Кочетков. Но, может быть, в большей степени это ответ тем людям, которые сегодня говорят: «Не нужно оценивать этот период однозначно... это было обусловлено историческими процессами, поэтому всё надо принимать... это всё наша история». Большевики – это *не наша* история, это против всякой истории! Да, это письмо – приговор. Приговор, вынесенный от лица *нашей* истории тому, что происходило 100 лет назад. Мне кажется, что такие приговоры должны быть. Плохо, что их сегодня не слышно.

Вопрос. Отец Георгий, Вы сказали, что была наша история, потом началась не наша. А сейчас какая история? Еще продолжается не наша, или уже началась наша?

Священник Георгий Кочетков. Мы уже не можем сказать сейчас, что она не наша. Это переходный период, посткоммунистическое время. Поэтому и продолжается то, что было раньше, и в то же время зарождается что-то новое. Качество жизни всё-таки иное. И те, кто достаточно долго жил в советское время, это подтверждают. Это лежит на поверхности, мне кажется. Так что сегодня – непростое время.

Дмитрий Гасак. Я бы добавил, что этот переходный период сопровождается и борьбой за историю. Собственно, Акция национального покаяния – это и есть борьба за достойную историю.

Алексей Наумов. Мне кажется, что принципиально важны все шаги, показывающие, чем был на самом деле большевизм и чем был движим Ленин. Мне вспоминается Феликс Разумовский с его последним фильмом «1917: Переворот? Революция? Смута?». Неслучайно этот фильм вызвал у многих сильнейшую агрессию. Ведь такого рода вещи – это в каком-то смысле экзорцизм, усилие различения добра и зла и понимание, что Ленин, конечно, никакой не марксист. И это очень хорошо показано. Даже когда рядом с ним были нуждающиеся люди, он никогда никому не помогал, а только интриговал и со страшной силой боролся за власть. Прекрасные материалы есть в мемуарах Валентинова – это один из старых большевиков, членов РСДРП(б), соратников Ленина. Разумовский приводит в фильме фрагмент, где Валентинов описывает, как понял во время одного из разговоров с Лениным, что тот не о марксизме заботится, не о партии, не о рабочих, не о тех идеалах, которые важны для убежденных марксистов. «Если Вы будете так действовать дальше, то это же как у Достоевского – всё дозволено тогда», – в ужасе говорит Валентинов. И Ленин его жёстко осаживает и называет хлюпиком, стоящим на интеллигентской позиции.

И вот эта правда сама по себе очень убедительна. Помню, когда я общался с одним из сотрудников воронежского отделения «Мемориала», меня удивило его какое-то целостное

глубокое убеждение, что несмотря на нежелание людей видеть и помнить, рано или поздно правду все узнают, она проявится. И мне кажется, в этом наша надежда.

Священник Георгий Кочетков. Мне кажется, это очень важно. Правда проявляется, потому что на это есть воля Божья. Правда от Бога, она не существует просто сама по себе и открывается не потому, что кто-то так решил где-нибудь, скажем, в Совете министров. Правду открывает Господь. И человек, способный эту правду увидеть, услышать, воспринять и выразить, – это человек, который движим волей Божьей.

Правду никто не любит, особенно те, о ком она говорит. Кому нравится правда? Она никому никогда не нравилась. Наоборот, нравилось её отрицать, находить какие-то обоснования неправде, а если их нет, их придумывать. Это обычное дело. И не только в политике – вот что важно. Мы уже привыкли, что политика – дело в какой-то степени нечестное. «Ради высших интересов можно пожертвовать правдой» – так рассуждают многие политики во всех странах. И это мы с вами знаем.

Но есть много других сфер, где правду не признают. К сожалению, она очень часто исчезает даже в устах интеллигенции и культурной части общества. Но не будем идеализировать и простой народ: там то же самое. В любом народе это так, здесь нет исключений. Правда часто стремится себя раскрыть по воле Божьей. Но люди делают всё, чтобы она свой рот поскорее закрыла.

Дмитрий Гасак. Я бы хотел вернуться к тому, о чём мы говорили в начале беседы – о борьбе за

Правда проявляется, потому что на это есть воля Божья. Правда от Бога, она не существует просто сама по себе и открывается не потому, что кто-то так решил где-нибудь, скажем, в Совете министров. Правду открывает Господь. И человек, способный эту правду увидеть, услышать, воспринять и выразить, – это человек, который движим волей Божьей

справедливую историю общества. Я думаю, что название передачи Феликса Разумовского «Кто мы?» совершенно не случайно. Это не просто краткое красивое название, которое может зацепить человека, если он хоть немножко думает о себе. «Кто мы?» – вопрос и к нашему отношению к Богу, и к отношению к людям, к отношению к истории и, наконец, к отношению к самим себе. В сегодняшний день постсоветской переходной эпохи это действительно важнейший вопрос. Разумовский очень интересно его ставит. Обратите внимание, каким образом сегодня консолидируют общество? В основном «против кого-то», то есть направляя агрессию на тех или иных произвольно выбранных «врагов». Такой пропагандистский ход чаще всего отнимает у людей возможность думать о собственной жизни, потому что не нужно думать о себе и содержании своей жизни, когда ты воюешь против кого-то. Как в том диалоге, о котором сейчас говорил Алексей: для Ленина вопрос о том, кто ты есть по существу, был абсолютно неприемлемым, абсолютно гибельным для его идеи. Я думаю, что люди, которые хотят перевернуть мир, подлинным самопознанием не занимаются.

Для нас же вопрос «Кто мы?», – вопрос трудный, иногда мучительный – это тот вопрос, на который мы, в том числе и как Преображенское братство, обязаны непременно ответить. Ведь без осознания происшедшего с Россией в XX веке, без понимания духовной природы советского времени с некоторыми светскими людьми вообще невозможно говорить, в частности, об Акции национального покаяния. Люди не понимают, о чём идёт речь. Они, может быть, и реагируют на преступления советской власти, но всё

время попадают как бы «в молоко», в любом случае «не в десятку». У очень немногих людей мысль и реакция адекватны содержанию темы. И даже некоторые братчики говорят, что уже устали размышлять об истории и покаянии: «Давайте будем просто встречаться, читать Евангелие и вообще говорить о своей духовной жизни». Но духовная жизнь, оторванная от истории, это, вообще говоря, не христианская жизнь. Это равносильно тому, чтобы отговаривать Христа идти в Иерусалим после Фавора.

Мне кажется, что борьба за праведную историю связана с ответом на этот вопрос «Кто мы?», но не по принципу «против кого мы выступаем», а в положительном плане: кто мы по существу, что мы несём в себе, что мы имеем за душой, как раньше говорили. Вопрос важнейший, и наши размышления именно в этом направлении должны быть продолжены. Ведь это ещё и вопрос о будущем.

Священник Георгий Кочетков. С другой стороны, мало знать реальную историю, надо ещё и покаяться в преступлениях этой истории. А XX век преступный – сугубо! Не один век в истории человечества был преступным. Вспомните хотя бы сонет Микеланджело в переводе Тютчева:

*Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный*

*и постыдный
Не жить, не чувствовать –
удел завидный...*

*Отрадно спать,
отрадней камнем быть.*

Это был XVI век, действительно кровавый, страшный. Но XX век намного превзошёл преступления предыдущих веков. Исказился сам антропологический тип – и в миро-

Время спасает Правду от Лжи и Зависти.
Франсуа Лемуан, 1737 г.

вом масштабе, и в национальном. Люди стали другими, и это самое страшное. Много было ужаса, беспросветного мрака во многих местах мира... Но ничего близкого к тому, что было в Советском Союзе, не было нигде, никогда за всю историю. Поэтому покаяние требуется от каждого. Даже если человек сам никаких преступлений не совершал и не хочет совершать. Он должен понимать, что связан многими нитями с этим прошлым.

Лев Шипман. Дорогой батюшка, дорогие братья и сёстры, я хотел вам рассказать о своих личных отношениях с Акцией национального покаяния. Я в ней не участвовал и, как бы оправдываясь, весь год думал: «Ну, что я могу? Сил нету...» И только в конце года, в декабре я понял истинную причину этого самоустранения: я ведь знаю, какое активное участие приняли евреи в становлении и насаждении советского режима в России в XX веке, и только в декабре я почувствовал у себя в душе, что там живет какой-то подспудный ужас перед тем, что я могу найти в истории своей семьи.

И этот инстинктивный ужас был для меня поводом прожить этот год, как я прожил почти всю свою сознательную жизнь при советской власти: «Меня ничего из этого не касается, а вы отстаньте от меня». И наконец в конце года я всё-таки

Возникает задача действительно узнать, а что же было на самом деле. Как я выяснил за этот год, никто ничего не знает. Люди питаются мифами и слухами, причём почти все. А в национальной сфере этого вопроса сугубо, сплошь одни мифы и слухи. Надо знать правду, тогда можно делать выводы. Иногда они будут тяжёлыми. Боюсь, что очень многим людям ещё многое придется менять в себе. Тогда и свершится наше национальное покаяние

собрал документы и послал их тем, кто занимается восстановлением родословной. Жду ответа.

И тем временем у меня родилась одна мысль, которой мне захотелось поделиться. Она заключается в том, что в Акции национального покаяния должно своё место занимать покаяние моего родного народа, еврейского народа, особенно за двадцатый век, за историю участия в том, что случилось в России. Что с этим делать, я не знаю. Я знаю, что эта тема «убойная», и если её сейчас поднять вслух, то последует такой негативный шквал, что мало не покажется.

Ведь еврейский вопрос – один из самых больных вопросов христианской цивилизации. Он сформулирован за два тысячелетия двумя позициями, двумя точками зрения. Одна из них: «Мы избранный народ, мы хорошие, у нас всё в порядке». А другая точка зрения в том виде, в котором она бытует в России (и на эту тему я прочитал в шестидесятые годы достаточно книг): «Бей жидов, спасай Россию». На самом деле обе эти точки зрения – богопротивные и человеконенавистнические. И та, и другая. Единственная позиция, которая может дать в нормальном случае какие-то позитивные результаты, если она сможет пробиться в обществе, в церкви в еврейской среде через всю эту сложившуюся толщу взаимного непонимания и неприятия, – это тема покаяния. Теперь начинается 2018 год, и я очень надеюсь, что каким-то неведомым пока для меня образом родится возможность и для меня участвовать в Акции национального покаяния.

И ещё я хотел сказать, что все пятнадцать лет моей жизни в Преображенском братстве меня поражает какая-то гармоничность устройства нашей жизни. Гармоничность

заключается и в том, что в этой жизни всегда есть деятельность, самая актуальная на сегодняшний день. В минувшем году это была Акция национального покаяния. Есть и другие стороны деятельности – и богословская, и многие другие. Есть внутренняя жизнь, которая пышет радостью. Бывают проблемы, сложности, но несмотря на них всё удивительно гармонично сочетается. И я думаю, что такая гармоничность – это результат найденного, центрального в духовной жизни, смысла христианской веры и жизни в их единстве. Этот центр соблюдается в разных ситуациях и осуществляется по-разному. Поэтому никакие беды и искушения ничего не могут с этим поделать.

Священник Георгий Кочетков. Спасибо. Это очень важные слова. Хорошо бы люди понимали, что не только то, что лежит на поверхности, может быть человеконенавистничеством. Понятно, что когда кто-то бежит и кричит: «Бей жидов, спасай Россию», это человеконенавистничество. Это понять не трудно (хотя кому-то бывает непонятно и то, что дважды два четыре; но мы-то знаем, что именно четыре). А вот когда говорят: «Мы богоизбранный народ и поэтому мы безгрешны, всегда правы и мало ли что в нашей истории было преступного, пусть никто нам об этом не напоминает» (мы часто видим в интернете такую позицию), людям значительно труднее понять, что это тоже человеконенавистничество. Откуда оно берётся? Тут ещё надо подумать. Тут ещё надо что-то знать о жизни или, лучше сказать, что-то пережить.

Очень хорошо, что ты начал этот разговор об Акции национального покаяния. Мы действительно гово-

рили в течение прошлого года, что, к сожалению, многие её понимают как покаяние только русского народа. И люди, не ощущающие себя русскими, относящие себя к каким-то другим народам (на что, кстати, имеет право даже русский по крови человек), думают, что это не про них. И поэтому они в Акции национального покаяния избегали участвовать – даже в Братстве (а то, что такое возможно в Братстве, для меня было удивительно). Но ведь даже если не сравнивать исторический вклад в ужас Русской Катастрофы людей разных народов, разных культур, разных религий, должно быть понятно, что национальное покаяние несет в себе в данном случае не этнический смысл, а национальный – в смысле покаяния всех жителей нашей страны. В слове «нация» везде, во всех странах мира есть два смысла. Когда говорят «национальный институт» или «национальная библиотека», не имеют в виду какой-то этнос. Так что в понятии «национальный» есть и сторона неэтническая. В позднесоветское и постсоветское время у нас практически все любят подчеркивать этническое – все, кроме русских (за редчайшим исключением, и то, как правило, оплаченным и искажённым).

Всё это, конечно, заставляет задуматься. И возникает задача действительно узнать, а что же было на самом деле. Как я выяснил за этот год, никто ничего не знает. Люди питаются мифами и слухами, причём почти все. А в национальной сфере этого вопроса сугубо, сплошь одни мифы и слухи. Надо знать правду, тогда можно делать выводы. Иногда они будут тяжёлыми. Боюсь, что очень многим людям ещё многое придется менять в себе. Тогда и свершится наше национальное покаяние.

КФ

Проповедь и душевные беседы

Из дискуссии на площадке «Литургическая жизнь Церкви»,
прошедшей в дни фестиваля «Преображенные встречи» в августе 2017 года

Фото: Дарья Лыкова

Священник Феодор Людоговский (Московская духовная академия), протоиерей Георгий Митрофанов (Санкт-Петербургская духовная академия), Лидия Крошкина (Тверь), священник Павел Бибин (Архангельск)

Зоя Дашевская. У меня вопрос к участникам круглого стола. Ожидаете ли вы какой-нибудь рецепции от тех, кому вы проповедуете, и если ожидаете, то какой она могла бы быть? Каким образом вы видите это общение (потому что это же очень яркий момент содержательного общения, живого взаимодействия между аудиторией и проповедником)? Каким вам видится ответ и что должно произойти, чтобы это, может быть, как-то отразилось на богослужении?

Протоиерей Георгий Митрофанов. Вопрос достаточно нестандартный – не о проповедниках, а о слушающих проповедь. Это очень

важный момент. Должен сказать, что я выступаю не только как проповедующий, но и как преподающий священник. Преподающий будущим священникам, правда, слава Богу, не гомилетику. Этот предмет очень сложен для преподавания, потому что в общем и в целом он находится на грани схоластики. И поэтому я постараюсь, отвечая на Ваш вопрос, высказать то видение проповеди, которое сложилось у меня за почти уже 30 лет священнического служения и преподавательской деятельности. У меня, правда, приход очень специфический, там нет захожан, там в основном прихожане, которые уже 15, 20 и более лет в церкви, практически все с высшим образованием.

И мне, в общем-то, можно вообще не проповедовать. Многие люди уже начитаны. Есть большое число людей, которые катехизируются, но это связано с тем, что ко мне регулярно приходят члены Свято-Петровского братства, там с ними работают в плане вероучения в процессе катехизации. Но я тем не менее каждое богослужение, каждую литургию сопровождаю пятнадцатиминутной, а то и двадцатиминутной проповедью после Евангелия.

Я проповедую на тему чтений, которые я уже читал десятки раз, которые люди читали десятки раз. Ну что тут можно сказать? Как можно к этому подготовиться? Вот тут я открою вам страшную тайну: я

И вот возникает постепенно, неожиданно, подспудно ощущение диалога. Уже не «я высказываю мысли, которые мне приходят в голову», а как мне кажется, я веду диалог с людьми, у которых тоже какие-то чувства и мысли в голове. И по мере того, как проповедь подходит к своему завершению, у меня возникает ощущение, что мы сейчас вместе о чём-то поразмышляли, что-то почувствовали.

к проповедям не готовлюсь. Какой-то опыт говорения у меня, конечно, есть. И всякий раз, выходя на проповедь, я в общем-то не знаю, о чём я буду говорить. Евангельское чтение только что прозвучало (Евангелие у меня читается в храме на славянском и русском языке, а оно и на славянском понятно для тех, кто подолгу ходит в храм; Апостол дело другое). Прочитано два раза, все всё поняли, говорить, казалось бы, не о чём. И вот я начинаю говорить проповедь, и она как-то говорит – 5 минут, 10 минут, 15, появляются какие-то мысли, возникают какие-то чувства, и это во многом происходит потому, что я говорю эту проповедь не обратившись к иконе или в пустоту. Я говорю её людям, которые меня знают, часто со всеми моими немощами, особенностями. Я могу и съязвить, и пошутить. И я вижу живую реакцию, вижу, как меняется мимика людей. Вот у этого та, у того эта, кто-то вздохнул, кто-то хихикнул, кто-то вдруг задумался, кто-то перекрестился, бывает и такое. Но у меня люди с большим церковным стажем и крестятся в меру, когда положено. И вот возникает постепенно, неожиданно, подспудно ощущение диалога. Уже не «я высказываю мысли, которые мне приходят в голову», а как мне кажется, я веду диалог с людьми, у которых тоже какие-то чувства и мысли в голове. И по мере того как проповедь подходит к своему завершению, у меня возникает ощущение, что мы сейчас вместе о чём-то поразмышляли, что-то почувствовали. Я как будто ставлю какие-то проблемы, поднимаю какие-то вопросы, может быть, предлагаю какие-то ответы. Но при этом происходит соработничество с людьми, которые слушают меня (это, конечно, невозможно с прохожими).

Поэтому я дерзну сказать, что это действительно таинство слова, которое в общем и в целом происходит всякий раз по-новому и неожиданно. При этом следует, наверное, подчеркнуть, что примерно изучив гомилетику и попытавшись в своих проповедях воспроизвести гомилетическую классику, священники, конечно, получают определенного рода опыт. Опыт произнесения правильных, никому не нужных, скучных проповедей. Через него надо пройти, но лучше сделать это быстро. А вот на приходе нужно не бояться выходить на проповедь, подчас не зная, что ты скажешь, в молитвенной надежде на то, что стоящие рядом с тобой люди, может быть, не менее, а более глубоко, чем ты, проживают свою духовную жизнь, и они дадут тебе некий импульс для твоего же собственного слова. Как это сформулировать, я не знаю. Может быть, это проявление соборной природы Церкви. Наверное, так. Ведь проповедь рождается у меня в устах благодаря тому, что я говорю эту проповедь тем, кто пришёл вместе со мной обратиться к Господу Иисусу Христу. И Иисус открывает нам что-то в процессе нашего совместного сопереживания, со-размышления, формально звучащего как монолог, который произносит проповедник.

Священник Павел Бибин, ведущий. Одним из решений Поместного собора 1917–1918 гг. было признание допустимости произнесения проповеди особо благочестивыми мирянами, конечно, по благословению епископа. Считаете ли Вы это возможным и полезным?

Протоиерей Георгий Митрофанов. Вы обращаетесь с вопросом, связанным с историей. Я не могу кратко на него ответить. Что я могу

сказать? Мы с вами принадлежим к Поместной церкви, в которой – вдумайтесь в это! – духовенство 600 лет не получало никакого образования и вообще не проповедовало. Когда в XVIII веке стали вводить институт проповеди, сделать это оказалось очень сложно. Даже в начале XIX века отдельные архиереи выпускали циркуляры, в которых запрещали священникам проповедовать, ибо те проповедовали так (хотя и получали уже какое-то образование), что возникали поводы для соблазнов. Поэтому, строго-то говоря, у нас проповедь из уст духовенства лилась более или менее плавно где-то на рубеже XIX–XX веков. Но и тут было немало проблем... Поэтому проповедь в нашей церковной жизни имела очень малое значение, при том, что неадекватно большое значение приобретало умение «выстоять службу», «вычитать молитвы» и, соответственно, с чувством выполненного долга отправиться домой без каких бы то ни было дополнительных осложнений в виде проповеди.

Что же касается возможности проповеди особо благочестивых мирян, то, наверное, проповедь Алексея Степановича Хомякова могла бы превзойти проповедь настоятеля храма, который служил у него в Богучарове. Но боюсь, что темы, которые он обсуждал на диспутах в салонах Елагиных и Свербеевых (где проводил немало времени), в Русской церкви в то время ещё не поднимались.

Кроме того, у нас проповедовали сектанты – и всё. А вот православные считали это большим дерзновением для мирян и даже грехом. Попытка Собора поставить этот вопрос, конечно, заслуживает внимания, но это скорее результат того, что на Соборе признавалась неудовлетворительность того, как проповедуют

Отклик, который рождается в нашем сердце, иногда очень ценен и важен для проповедника. Я сама подходила несколько раз к тем, чьи слова как-то особо задели, вдохновили, и благодарила их. И это всегда было продолжением общения. Обычно проповедник говорит, а мы внимаем, в конце говорим «аминь». Но есть ещё возможность и во внебогослужебное время поговорить о том, что прозвучало, дать обратную связь

священники. При том, что они всё-таки проповедовали, я должен вам сказать, не хуже нынешних священников, а в чём-то даже лучше. Сейчас ситуация такова, что я бы не только многим мирянам, я бы многим священникам не доверил проповедовать, потому что сейчас происходит профанация жанра проповеди. Я могу вам сказать, это явление весьма зловещее. Не хочу называть имена наших популярных проповедников, но они таковы, что в общем и целом мы должны говорить просто о разрушении традиции классической церковной проповеди. Её просто нет. Ладно была бы харизматическая проповедь. Но когда некоторые проповедники идут на радио, чтобы обличать пьянство, находясь сами в пьяном виде...

Отвечая кратко на вопрос по поводу мирян, я сейчас могу сказать одно: при нынешнем состоянии духовенства проповедь мирян была бы, наверное, желательна. Но при нынешнем состоянии мирян их проповедь должна подвергаться очень серьёзной, если угодно, цензуре. Поэтому я в данном случае рекомендовал бы следующее: во многих храмах во время проповеди включать просто аудиозаписи проповедей отца Александра Шмемана, митрополита Антония Сурожского и т. п. Что же касается опыта с проповедью мирян, то к этому нужно отнестись очень и очень осторожно. Конечно, если бы в епархии существовал институт благовестников, либо мирян подбирали с соответствующим уровнем образования и давали как-то попробовать себя, это было бы возможно. Но если при той ситуации, какая существует сейчас, дать возможность любому мирянину получить благословение от любого настоятеля и вдруг выйти произносить проповедь – это будет

ещё одним ударом по церковной проповеди современной России.

Священник Павел Бибин. Хотелся сказать из опыта личной практики, что на такие вопросы трудно отвечать в масштабе всей церкви. Вы говорили, что у Вас на приходе есть люди, которых Вы знаете 20 лет. Они Вас понимают, и Вы их понимаете. Могли бы Вы представить кого-нибудь из этих мирян проповедующими?

Протоиерей Георгий Митрофанов. Среди моих прихожан есть доктор филологических наук, профессор, занимающийся русской литературой XVIII века, преподающий риторику в нашей духовной семинарии, – профессор Пётр Евгеньевич Бухаркин. Но если бы я предложил ему произнести проповедь, то он бы очень удивился. Не только потому, что у него нет этого опыта. Он бы, наверное, мог произнести проповедь, но эта проповедь напоминала бы проповедь тех выдающихся русских проповедников, творчество которых он изучал. Мне кажется, для того, чтобы проповедь удалась, важно, чтобы у человека был пастырский опыт. Человек, произносящий проповедь, должен быть знаком с прихожанами так, как с ними знаком священник.

У меня есть много мирян, которые могли бы вести лекции, проводить какие-то просветительские занятия. Но произносить проповедь я бы не доверил никому. А те, кому я доверил бы, от этого отказались бы.

Священник Павел Бибин. Мне кажется, что тут ещё есть о чём поговорить. Вы сказали, что миряне не пастыри – но это не всегда так,

потому что пастыри не с неба же спускаются, правда? Если священник 20 лет живет в приходе, то из этого прихода могут родиться другие пастыри.

Лидия Крошкина, ведущая. Один из вопросов нашего круглого стола – «Видите ли Вы действенность, добрые плоды проповеди, не обязательно Вашей, или нет? Если нет, то почему? И чего не хватает для того, чтобы слово проповедника принималось и меняло жизнь слушающего? Как вообще сделать богослужбную проповедь действенной?»

Священник Игорь Кузьмин. Конечно, проповедь должна иметь своей целью некий конкретный конечный результат, т. е. плод. В нормальном случае и проповедник, и слушающий должны это понимать, к этому стремиться и готовиться. Проповедь, как керигма, есть слово «со властью», содержащее в себе призыв к действию, реализация которого внутренне происходит прямо сейчас, в момент её произнесения. Здесь являются первые плоды. Будут и последующие, если семя падает на подготовленную почву, если народ в единстве со своим пастырем, вдохновлённый Словом, желает послужить Ему. Так должно быть. Но как оно бывает на деле? Всегда ли проповедник и внимающий ему народ понимают своё призвание, стремятся к плодоношению? В моём личном пастырском опыте есть как положительные, так и отрицательные примеры.

Священник Феодор Людоговский. Я думаю, следует различать плоды проповеди и реакцию на проповедь. О себе могу сказать точно,

Фестивальная площадка собрала множество клириков и мирян

Часть работы прошла в малых группах

что почти все мои проповеди вызывают определенную реакцию. А вот имеют ли эти проповеди плоды? Это вопрос. Я, к сожалению, очень долго не понимал этой внутренней разницы и ожидал от своей проповеди мгновенных плодов. А плоды – это такая вещь, которая по определению не может быть мгновенной. Если представить плод в аграрном смысле этого слова, это то, чего приходится ждать какое-то время, часто и продолжительное. Когда ты сеешь словесное семя и не видишь сразу же его плодов, хочется «поднажать» и усилить слово. Но одно дело плод, другое дело – реакция на твои слова: реакция приходит сразу, а плод приходится ждать в течение времени.

Священник Павел Бибин. Ещё один вопрос, который мы собирались обсудить: с чего можно начать возрождение современной проповеди?

Священник Игорь Кузьмин. Очень многое нужно возродить для того, чтобы возрождалось живое, вдохновенное церковное слово. Но начать можно с простых вещей. Например, с напоминания об обязательности проповеди и с возвращения её на предназначенное для неё место, т. е. после чтения Писания на литургии оглашаемых. Это важный момент. Ибо с ним связано возрождение духа и смысла всей первой части литургии – как Таинства

слова. Таков её изначальный особый статус. Литургия оглашаемых есть таинство насыщения словом, в этом её изначальный смысл. И если это так, то как же я, предстоятель, могу уклониться от проповеди, если донести до собравшихся слово Божие здесь является самым главным?! И это вдохновляет! У нас же на практике литургия оглашаемых – просто подготовительная часть к евхаристическому служению, не имеющая самостоятельного значения. Тем более, что оглашаемых в собрании нет, значит, вполне допустимо её весьма сократить. И под сокращение попадает как раз проповедь, а также ектения и молитва об оглашаемых и др. Возвращение литургии оглашаемых как Таинства слова, без сомнения, будет способствовать и возрождению церковной проповеди.

Священник Феодор Людоговский. По-моему, это глобальная задача, и вряд ли её можно решить какими-то формальными методами.

Мне кажется, очень важно всё то, о чём мы уже говорили, в том числе и то, что пастырь знает своих прихожан и они его знают. Существует ведь и какое-то общение вне богослужения, хотя бы чаепитие после службы или какое-то общее дело помимо богослужения. И тогда возникает какое-то неформальное общение. Ведь всё-таки проповедь в большинстве ситуаций – это довольно формализованное общение в форме монолога. Если же священник видит реакцию на свою проповедь,

если у мирян, в свою очередь, возникнет запрос на проповедь, тогда, возможно, что-то изменится. Потому что создаётся впечатление, что большинство людей приходит в храм только для того, чтобы в лучшем случае причаститься. Жаждают ли они что-то вообще услышать, какое-то слово? Это вопрос. Если такое отношение изменится, то проповедь, наверное, будет развиваться.

Реплика из зала. Наш братчик Евгений Зобов, уже немолодой, седовласый, как-то подошёл к настоятелю, отцу Сергию, и говорит: «А почему Вы не проповедуете?» Настоятель отвечает: «А у меня настроения нет». «Ну а как же я так уйду со службы, – говорит Евгений, – я только что услышал Писание, это требует наставления. А у меня слова нет». И вот Женя два с ним разговаривал, вёл такие душевные беседы, и действительно проповедь стала звучать. Это не единственный такой случай. На самом деле отклик, который рождается в нашем сердце, иногда очень ценен и важен для проповедника. Я сама подходила несколько раз к тем, чьи слова как-то особо задели, вдохновили, и благодарила их. И это всегда было продолжением общения. Обычно проповедник говорит, а мы внимаем, в конце говорим «аминь». Но есть ещё возможность как-то и во внебогослужебное время поговорить о том, что прозвучало, дать обратную связь. Мне кажется, это важно. **КФ**

Время ли новой соборности?

Первая часть второй пленарной встречи фестиваля «Преображенские встречи», прошедшего в августе 2017 года

Фото: Алена Каплина

Дмитрий Гасак, председатель Преображенского братства, ведущий круглого стола. Заключительная часть пленарной встречи нашего фестиваля не может не быть посвящена размышлению о сегодняшнем дне и о том, что предстоит делать нам с вами. XX век, как мы видим, достаточно остро поставил перед Русской православной церковью и, наверное, перед всем православием, а может быть, и перед всем христианским миром вопрос о том, что есть соборная природа церкви и как она может выявлять себя в новых, достаточно динамично меняющихся исторических условиях. В начале XX века желание соборного действия воплотилось в работе Поместного собора Православной российской церкви. Но дальнейшее развитие событий показало, что требуется не просто

размышление о соборной природе церкви, а буквально подвиг поиска этих соборных начал. И каким бы сложным ни казалось нам нынешнее время и сегодняшнее положение церкви, очевидно, что мы с вами не испытываем прямых гонений, а значит, у нас есть уникальная возможность осуществить эти начала в той полноте, в которой это было невозможно сделать в XX веке.

Поэтому мы хотели бы задать участникам финального круглого стола нашей пленарной встречи два вопроса.

Первый мы сформулировали так: сегодня мы вспоминали Поместный собор 1917–1918 гг., который был собран в ситуации начала Русской Катастрофы, не успел завершить свою работу и сделать что-либо практическое для возвращения в жизнь всей церкви соборных начал.

Сегодня очень хорошо говорили о том, что соборность всегда остается внутренне новой. Если она есть, она не может быть устаревшей. Но вопрос в том, есть ли она и насколько мы можем говорить о том, что она есть актуально, а не только потенциально в церковной жизни?

Мы говорили об эпохе гонений на церковь, когда за любое соборное действие и даже мысль можно было заплатить жизнью, но когда оставшиеся верными Христу и Церкви люди вопреки гонениям обретали опыт реального братолюбия, глубинной и подлинной христианской общности жизни и судьбы. Мы также познакомились с размышлениями русских эмигрантов, искавших пути воплощения соборности в ситуации внешней свободы, на которую обрекло их изгнание с родной земли. Каким вам видится сегодняшнее время, способствует ли оно возрождению соборности?

Священник Алексей Попов. Я глубоко убеждён в одной вещи – все времена одинаковы. Меняются декорации, меняется внешний облик этого мира. Человек же всегда остается одним и тем же: со своими страстями и греховностью с одной стороны, а с другой – со своим стремлением к бесконечному.

История не знает сослагательного наклонения. Можно лишь гадать, мог ли Собор изменить ситуацию в России. Но мы знаем, что в последующие сто лет стало понятно, что он не смог возродить соборность в жизни Русской церкви. А вот возможна ли новая соборность сегодня – это всецело зависит от каждого из нас.

Уже прозвучали мысли о том, что соборность – вещь многоплановая. Она может быть и чем-то личным, когда собираются воедино все душевные силы, когда человек из раздробленного превращается в целостную зрелую личность. Соборность может проявляться на уровне семьи; она может являть себя на приходском, епархиальном, в конце концов, на национальном уровне. Все это возможно при желании реализовать и воплотить её идеалы в жизни. Но для её реализации на общецерковном, общегосударственном уровне требуется соборность на каждом отдельно взятом уровне, начиная от личного и приходского.

Игумен Серапион (Митько), первый заместитель председателя Синодального Миссионерского отдела РПЦ. С Вознесения Господня началось время парусий, т. е. последнего времени, и мы в нём с того времени и живём. Поэтому и нет ничего нового ни под солнцем, ни даже под луной. А что касается соборности, то нам нужно очень внимательно относиться к использованию этого термина. Подлинные христиане всегда отличались высоким уровнем честности по отношению к себе, видением своих грехов и несовершенств. Господь

призывает нас верить только Ему. И мы должны понимать, что есть истины, которые проистекают непосредственно из Божественного Откровения, а есть идеи, которые в конечном итоге являются плодом человеческого, пусть даже соборного, творчества. Термин «соборность» очень историчен. И хотя он очень рано встречается в славянских переводах слова «кафолический», но это не первый вариант перевода. Это слово доминирует и в случае Символа веры, и в случае с соборными посланиями именно тогда, когда восточные и западные христиане разделяются. И понятно, что Хомяков использует этот термин в особом значении. Понимание соборности А.С. Хомяковым, протопресвитером Николаем Афанасьевым и Н.А. Бердяевым, например, или митр. Иоанном Санкт-Петербургским – это совсем разные понимания соборности. Есть и другие примеры: например, Лев Платонович Карсавин слово «соборность» употребляет крайне редко. Но его учение о симфонической личности, его понятие «стяженности» вполне укладывается в рамки того понимания соборности, о котором мы говорим. И нам, христианам, важно понять, что для нас есть соборность.

Для меня как миссионера соборность – это не самое главное в Церкви. Мне важна характеристика «апостольская». И, говоря о соборной Церкви, о вселенской Церкви, о соборности, наверное, нам нужно думать и об апостольском служении.

Если говорить о соборности в том варианте, который существует в Преображенском братстве, то я думаю, что это очень эффективно: это видно по количеству людей здесь в зале и по тому, что это за люди. Я думаю, что такие модели можно реализовывать. Но есть одна проблема: в нашей Церкви реализуются локальные проекты соборности. Одним из самых замечательных среди них является Межсоборное присутствие Русской православной церкви, в составе которого я оказываюсь уже второй раз. Там действительно есть соборный дух – и когда Святейший патриарх проводит пленарное заседание, и на заседаниях комиссии. Идет очень свободное обсуждение, в котором участвуют и миряне, и митрополиты, и женщины, и мужчины, и все имеют совершенно равный голос. И это хорошо. (Хотя при подобных обсуждениях могут возникать проблемы, когда кто-то говорит и не слушает других.) Почему же есть проблема с неким универсальным проектом? Потому что мы не вполне чётко понимаем границы церкви. Именно из-за этого мы не можем составить некий ограниченный список субъектности соборности.

Протоиерей Александр Лаврин, клирик храма иконы Божией Матери «Живоносный источник» в Царицыно. Мне кажется, надо действительно начинать с основ. Что лежит в основе соборности? Мы веруем «во единую святую, соборную и апостольскую Церковь», именно поэтому соборность в самой природе Церкви. И поэтому же для соборности Церкви, в общем-то, всегда время, вне зависимости от изменчивости внешних форм жизни. Мною не случайно сейчас процитированы слова Символа веры не только о самой соборности, но и о единстве, святости и апостольском преемстве. Кажется, как раз в этом исповедании есть фарватер поиска – что такое соборность. Апостолы после Пятидесятницы не просто рассказывали об Иисусе Христе как Человеке, в Котором открылась новая Божья жизнь, но были свидетелями этой новой жизни прежде всего потому, что сами её являли, будучи ею внутренне исполнены. То есть не *сообщали о ней*, а её саму *сообщали собою*. Они сами являли искомое христианское евангельское Христово единство с теми, к кому обращались с проповедью. Для них все во Христе были ближние. Есть такие понятия: родные и близкие. Но Господь в Евангелии говорит о том, что духовное родство выше кровного, бесконечно выше: «Кто слушает и исполняет волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать». О том же, в сущности, и притча о добром самарянине. Это и есть основа соборности: нет чужих, все ближние. Поэтому очевидно, что какие бы то ни было формы соборности будут содержательно реально исполняться и наполняться, когда человек будет прежде всего стремиться внутренне сам исполниться этой основой как церковным строем души.

В Евангелии соборность небесной Церкви выражена так: все небеса радуются об обращении единого грешника (это небольшая перефразировка Евангелия от Луки*). Но в том-то и дело, что небожителей бесчисленное множество, но сердце одно, и чужого нет, все бесконечно дороги. И именно поэтому все богаты друг другом, все богаты всем, потому что едины с Богом, Который един со своим творением. Вот в этом как раз основа соборности Церкви. Такое единство – это, безусловно, только благодатный дар Церкви, присутствие Христова Духом Святым. Поэтому Иисус Христос и говорит о том, что пребывает там, «где двое или трое собираются во имя Моё». Поэтому любые церковные формы, особенно евхаристические, богослужebные должны быть для нас, христиан, именно общением и стремлением к общению не только с Богом, а и во Христе друг с другом.

Мы приходим в Церковь как народ Божий, где Христос посреди нас. И в обращении к Нему постепенно каждый в свою меру обретает искомое соборное евангельское единство – тот самый внутренний церковный строй и опыт некоего духовного зрения, который дает возможность смотреть на человека как на ближнего во

Христе. Поэтому любые формы соборности должны быть как бы пропитаны обращённостью ко Христу. Что бы мы совместно ни делали, необходимо понимание, что цель не только в том, что мы делаем некое общее и полезное дело, пусть даже для прихода, общины. Любое церковное общение должно вести к обретению Бога, а в Нём – друг друга как ближних, чтобы с этим обрётённым опытом идти в мир и свидетельствовать ему возможность новых взаимоотношений. Это звучит и в мыслях матери Марии (Скобцовой). Если есть этот реальный опыт общения друг с другом во Христе, то когда мы будем выходить за пределы церковного общения, мы просто с неизбежностью будем это евангельское единство являть любому встречному, который тоже перестанет быть для нас чужим.

Священник Георгий Кочетков, ректор СФИ, духовный попечитель Преображенского братства. Сегодня очень хорошо говорили о том, что соборность всегда остаётся внутренне новой. Если она есть, она не может быть устаревшей. Но вопрос в том, есть ли она и насколько мы можем говорить о том, что она есть актуально, а не только потенциально в церковной жизни? Если мы спросим себя, способствует ли что-то сейчас возрождению соборности в нашей церкви, мы, конечно, должны быть в ответе сдержанными. Потому что не так легко её найти, несмотря на то, что многие, очень многие люди понимают, что как раз возрождение соборности – это главный императив в вопросе возрождения Церкви, возрождения нашего народа и общества.

Если мы хотим актуализировать соборность сейчас, можем ли мы это делать? Можем, потому что этот вопрос, этот вызов обращён, конечно, прежде всего к нам, к каждому человеку, который считает себя христианином, членом Церкви Христовой.

Я думаю, что одна из основных задач на этом пути – научиться жить вместе. XX век, к сожалению, сделал большое зло не только в экономическом и политическом, но и прежде всего во внутреннем, антропологическом плане. Он сделал так, что народ разучился жить вместе, люди друг от друга отчуждаются. Так вот, нам надо снова учиться жить вместе, несмотря на то, что это порой «вызывает подозрение у начальства» – и мирского, и церковного. Соборность строится на духовной свободе и на ответственности. И, значит, нужно умение лично и совместно ставить себе границы, сужать свой духовный путь. Ведь мы помним, что нам говорит Господь о широком и узком пути.

Большая проблема заключается ещё и в том, что у многих вообще нет веры в соборность и личностность – то есть в Церковь и человека. Часто приходится встречаться с тем, что даже среди людей ответственных, руководителей нет веры в Церковь, а есть вера в церковные структуры. Выстраиваются крепкие вертикали власти не только в обществе и государстве, но и в Церкви. И это как

* См. Лк 15:7,10.

раз свидетельствует о том, что действовать Духу Святому, по мысли многих людей, трудно. А нужно жить так, чтобы Дух Святой мог дышать в Церкви свободно.

Конечно, не хватает не только понимания того, что есть соборность. Часто нет опыта, нет механизмов церковной соборности. Хотя – и сейчас мы об этом слышали – есть уже первые попытки как-то решить этот вопрос: Межсоборное присутствие, Высший церковный совет и т. д. Но, конечно, одного этого для возрождения соборности во всей церкви крайне недостаточно.

Есть ещё одна серьёзная проблема, о которой не сказать, боюсь, нельзя. Соборность с трудом на сегодняшний день в нашей практической жизни сочетается с иерархическим началом в церкви. Но, на мой взгляд, здесь должно быть соотношение не «или – или», а «и – и»: и то, и другое. А для этого должно быть доверие друг к другу. Вот чего нам не хватает: любви и доверия друг другу, даже в наших внутрицерковных отношениях. Конечно, это требование и к иерархии, и ко всему народу Божьему. Церковь не должна выстраиваться по образцам внешней жизни – как армия, государство или даже общество. Исторически церковь в константиновский период своей истории всегда строилась как общество и

по образцам государства и армии. И это было большой ошибкой! Церковь – нечто другое. Поэтому мы должны изучать Церковь и даже, на мой взгляд, отдавать приоритет исследованиям экклезиологическим и христианско-антропологическим.

Надо ещё и собирать для этого опыт из церковной истории. История всё-таки чему-то иногда учит, и хорошо бы, чтобы мы этим воспользовались. Тем более, что история XX века не так далека от нас. Нам нужно собирать опыт и теоретический, и практический, и в среде русской эмиграции, и опыт русских новомучеников. Это, конечно, наш золотой фонд, эти два вида опыта поддерживают друг друга, это две стороны одной медали. Почему с таким трудом усваивается опыт новомучеников в нашей церкви, точно так же, как с трудом усваивается опыт русской эмиграции: богословский, церковный, исторический, духовный опыт? И хотя к нему всё чаще и чаще приходится обращаться, однако пока далеко здесь мы не ушли.

Так что перспектива есть: мы можем уже сейчас думать о новой соборности в нашей жизни, в нашей церкви и даже за её видимыми границами. Но это не просто. **КФ**

На пленарных заседаниях Преображенских встреч вот уже несколько лет собирается несколько тысяч человек из разных городов

«Подвиг этот трудный, но прекрасный»

Текст: Татьяна Васильева

Хрестоматия включает в себя документы, свидетельствующие о жизни братств разных эпох, начиная с братств Юго-Западной Руси XVII века и заканчивая братствами в Советском Союзе и русской эмиграции XX века

В год столетия воззвания патриарха Тихона (Беллавина) «собираться в духовные союзы» на защиту православной церкви издательство Свято-Филаретовского института выпустило хрестоматию «История церковных братств в России».

История братского движения в Русской православной церкви изучена мало. Есть отдельные исследования, посвященные тем или иным братствам, но как целостное явление в истории православной церкви, берущее свои истоки в апостольских общинах и продолжающееся до наших дней, оно ещё не осознано. При этом зачастую именно братства, собрания верующих, объединённых общей жизнью на основе заповедей Христовых и общими делами, оказывались способными сохранять верность Церкви и защищать её в наиболее сложные периоды, когда она испытывала гонения со стороны власти имущих. Новая книга, по замыслу издателей, имеет своей целью поставить перед современной читающей аудиторией вопрос о братствах, как писал Н.С. Лесков, «вопрос чисто русский и необыкновенно интересный». Каковы границы понятия «братство»? Можно ли говорить о непрерывности «братского движения» в русской церкви? Какова роль православных братств в возрождении церковной соборности и формировании гражданского общества? Как складываются отношения православных братств с государ-

ством и официальными церковными структурами? Вот вопросы, которые могут возникнуть у читателя при чтении документов, вошедших в хрестоматию и документов, на основе которых можно продолжать исследование братского движения.

Хрестоматия включает в себя документы, свидетельствующие о жизни братств разных эпох, начиная с братств Юго-Западной Руси XVII века и заканчивая братствами в Советском Союзе и русской эмиграции XX века. В ней представлены братские уставы, рассказывающие о том, например, о чём следует говорить на братских встречах, официальные документы, патриаршие грамоты и императорские указы, устанавливающие статусы братств. В сборнике также опубликованы письма новомученика еп. Иннокентия (Тихонова), одного из основателей Александро-Невского братства, который пишет своим духовным чадам о братской жизни как «единственно истинной в условиях нашей жизни форме Церковного единения»; братские песни свящ. Александра Гумилевского, составленные им для детей Рождественского братства, чтобы те не пели «пошлых песен»; статья Н.Н. Неплюева, блюстителя Крестовоздвиженского трудового братства, в которой он описывает опыт своего братства и размышляет о роли братств в церкви и государстве; письмо устроителя братств в Череповце и Новгороде. Впервые публикуется интервью с членом

братства еп. Макария (Опоцкого) Екатериной Ивановной Пикиной. Носителей братской традиции эпохи наиболее ожесточённых гонений советской власти на церковь в 20–30-е годы XX века, доживших до постсоветского времени, немного, и Екатерина Ивановна – одна из них. В своём интервью она говорит о братской жизни как о подвиге трудном, но прекрасном, о том, что братство помогло им выжить в чрезвычайно трудных жизненных условиях и сохранить человеческое достоинство, помогать друг другу.

Документы, относящиеся к тому или иному братству, предваряются краткой исторической справкой, чтобы облегчить читателю задачу понимания исторического источника. **КФ**

1917

МОЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ

Революция 1917 года – не дата из книги, это истории наших семей, наших бабушек и дедушек. Их воспоминания, их светящиеся глаза, чай с румяными пирогами на старенькой кухне. Это то, о чём они успели нам рассказать, и то, о чём специально умолчали. Что стоит за этим молчанием? В юбилей революции 1917 года важно осмыслить то, что произошло с нами в XX веке, подвести итоги столетия. Медиапроект «Стол» издал книгу воспоминаний «1917: моя жизнь после». Это книга о наших историях, о нашей памяти.

kniga1917.ru
predanie.org

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ТЕМА

ВОСКРЕСЕНИЕ

Следующий наш номер – пасхальный, и конечно, центральная его тема – та весть, которая уже почти две тысячи лет остается вечно новой и самой радостной.

И неслучайно именно она следует за темой веры: ведь «если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна». А наша вера и радость должны иметь силу – силу воскресения. Только она позволит нам встретить лицом к лицу «последнего врага», будь это наша личная смерть, уход наших близких или понимание того, что «христианство не выживает, не остается в живых – оно вновь и вновь умирает, то насильственной смертью, то от внутренних недугов в каждую эпоху, может быть, в каждом поколении, – но Господь нашей веры знает возвратный путь из гроба, из преисподней, из смерти в жизнь».

В следующем номере мы продолжим вспоминать события гражданской войны. Три месяца назад мы подвели краткие итоги первых месяцев советской власти; теперь пора рассказать о первых месяцах Добровольческой армии – о Ледяном походе, отчаянной, невыносимой попытке противостоять разрушению России. Эта попытка привела к рождению и окончательному становлению Белого движения.